

МУШКИНЪ

1826—1837

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ.

ПУШКИНЪ

1826—1837

ПО ДОКУМЕНТАМЪ ОСТАФЬЕВСКАГО АРХИВА

И ЛИЧНЫМЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ

Кн. Павла Петровича ВЯЗЕМСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія П. Цитовича, Б. Итальянская, 11

МДСССLXXX

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 іюля 1880.

Статья объ А. С. Пушкинѣ за 1816 — 1825 годъ напечатана въ газетѣ „Берегъ“ 6 Юня 1880. Издаваемый нынѣ отдѣльный оттискъ заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія за 1826 — 1837 годы, помѣщенныя въ №№ 111, 113—115. Первая статья была также издана отдѣльнымъ оттискомъ.

18 Юля 1880.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

(1826—1837)

ПО ДОКУМЕНТАМЪ ОСТАФЬЕВСКАГО АРХИВА
И ЛИЧНЫМЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ.

Пріѣздъ Пушкина въ Москву въ 1826 году произвелъ сильное впечатлѣніе, не изгладившееся изъ моей памяти и до сихъ поръ.

Вызванный императоромъ Николаемъ Павловичемъ, вскорѣ послѣ коронаціи, изъ заточенія въ Михайловскомъ, Пушкинъ какъ метеоръ промелькнулъ въ моихъ глазахъ.

— «Пушкинъ, Пушкинъ пріѣхалъ», раздалось по нашимъ дѣтскимъ, и всѣ, дѣти, учителя, гувернантки—все бросилось въ верхній этажъ, въ пріемныя комнаты взглянуть на героя дня.

Литературныя знаменитости были намъ не въ диковину: Дмитріевъ, Жуковскій, Баратынскій вращались въ нашей дѣтской средѣ, даже Рылѣевъ, котораго я прозвалъ «voilà la chose» по его обычному присловью подмѣченному мною, всѣ они, повторяю, были и намъ, дѣтямъ, люди довольно близкіе. Одинъ лишь Карамзинъ являлся дѣтскому воображенію какъ непостижимая и недостижимая величина: однажды я провелъ цѣлое лѣто у Карамзиныхъ въ Царскомъ Селѣ въ 1825 году, и помню то благоговѣйное чувство, которымъ проникнуты были къ нему всѣ члены семейства. Сильному впечатлѣнію произведенному пріѣздомъ Пушкина, не говоря о магическомъ дѣйствіи его стиховъ, появленіе которыхъ всегда составляло событіе въ домѣ, несомнѣнно много содѣйствовала дружба Пушкина съ моею матушкой, въ Одессѣ, гдѣ часть нашего семейства провела лѣто въ 1824 году. И дѣтскія комнаты и дѣвичья съ 1824 года были неувядающимъ разсадникомъ легендъ о походе поэта на берегахъ Чернаго моря. Мы жили тогда въ Грузинѣ, цыганскомъ предмѣстьи Москвы, въ сельско-хозяйственномъ подворьи П. А. Кологривова, вотчина моей матушки. Позже,

зимой 1826—1827, по переѣздѣ въ нашъ домъ въ Чернышевомъ переулкѣ, я рѣшился, по тогдашней модѣ, поднести Пушкину, вслѣдъ за прочими членами семейства, и мой альбомъ недавно подаренный мнѣ: то была небольшая книжка въ 32 долю листа, въ красномъ сафьянномъ переплетѣ; я просилъ Пушкина написать мнѣ стихи.

Дня три спустя Пушкинъ возвратилъ мнѣ альбомъ вписавъ въ него:

Здравствуй, другъ мой Павелъ!

Держись моихъ правилъ:

Дѣлай то-то, то-то,

Не дѣлай того-то.

Кажется что ясно.

Прости, мой прекрасный.

Альбомъ этотъ попался мнѣ весьма недавно въ остафьевской библіотекѣ, но съ вырѣзаннымъ листкомъ. Вырѣзалъ же этотъ листокъ я самъ, получивъ впоследствии въ подарокъ альбомъ болѣе значительнаго размѣра, куда я и переклеилъ стихи Пушкина. Альбомъ хранился у меня нѣсколько лѣтъ, и въ него занесли свои имена мои учителя, Викторъ Праховъ и Ѳ. С. Толмачевъ, но въ 1831 году онъ взятъ у меня послѣднимъ моимъ московскимъ преподавателемъ, сколько помнит-

ся—Недремскимъ, служившимъ секретаремъ совѣта московскаго университета, и имъ возвращенъ не былъ.

Всѣ эти обстоятельства весьма памятны мнѣ потому, что и по переѣздѣ въ Петербургъ я долго питалъ надежду возвратить похищенное сокровище.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ позже я по поводу этихъ стиховъ производилъ дознаніе въ «Русскомъ Архивѣ»; они были напечатаны въ одной изъ первыхъ его книжекъ, и П. И. Бартенева съ обычной обязательностью отыскалъ въ бумагахъ стихи, довольно ветхій клочекъ, на которомъ переписаны были, сколько помнится, ошибочно, разыскиваемые мною утраченные стихи.

Я уже упоминалъ выше, что каждое появленіе стихотвореній Пушкина было событіемъ и въ нашемъ дѣтскомъ мірѣ: каждая глава «Онѣгина», «Бахчисарайскій фонтанъ», «Цыгане», ежегодные альманахи царили въ нашихъ дѣтскихъ комнатахъ и растрепывались пуще любаго учебника.

Со времени написанія стиховъ въ мой альбомъ кличка моя въ семействѣ стала: «другъ мой Павелъ»; до стиховъ же Пушкина я пользовался нелестнымъ прозвищемъ:

Павлушка, мѣднѣй лобъ, приличное прозванье,
Имѣлъ ко лжи большое дарованье.

Прозвище это взято было изъ эпиграммы Измайлова на Павла Свиньина, и навлекло на моихъ сестеръ строгій нагоняй со стороны Пушкина за предосудительную, вредную шутку.

Въ перепискѣ отца моего съ Пушкинымъ я нашелъ любопытные слѣды отраженія на дѣтскій умъ литературной официны двадцатыхъ годовъ.

Вотъ что между прочимъ кн. П. А. Вяземскій пишетъ Пушкину отъ 26-го іюля 1827 года, изъ села Мещерскаго въ Саратовской губерніи:

«Я у Павлуши нашелъ въ тетради: «Критика на Евгенія Онѣгина», и по началу можно надѣяться что онъ нашимъ критикамъ не уступить. Вотъ она: «И какой тутъ смыслъ: Завѣтный вензель О да Е». Въ другомъ же мѣстѣ онъ просто приводитъ твой стихъ: «Какія глупыя мѣста». *L'enfant promet*. Булгаринъ и теперь былъ бы радъ усыновить его Пчелѣ».

Оба приведенные стиха изъ Онѣгина (гл. III).

На это въ сентябрѣ 1827 года Пушкинъ отвѣчаетъ:

«Критика Павлуши меня веселить, какъ прелестный цвѣтъ обѣщающій плоды; проси его прислать свои замѣчанія на Онѣгина: будетъ отвѣтъ».

Духъ критики воспитанъ былъ въ насъ отцомъ моимъ съ дѣтства несправедливымъ предпочтеніемъ Дмитріева въ ущербъ Крылову, безспорно господствовавшему въ нашей дѣтской средѣ. Насъ заставляли учить наизусть анологи Дмитріева, чтеніе же басень Крылова едва допускалось. И. И. Дмитріевъ, другъ моего дѣда, былъ пѣстуномъ отца моего и законодателемъ и верховнымъ судіей литературнаго приличія и вкуса. Пушкинъ въ своей перепискѣ упрекаетъ отца моего въ несправедливости по отношенію къ Крылову и пристрастіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что изъ всѣхъ членовъ Арзамаса отецъ мой былъ болѣе прочихъ человекомъ партіи, и почти онъ одинъ такимъ былъ даже и тогда когда онъ пережилъ всѣхъ своихъ друзей.

Въ 1827—1828 годахъ вокругъ меня болѣе другихъ стихотвореній Пушкина звучали стихи изъ «Бахчисарайскаго фонтана» и «Цыганъ». Я помню какъ мой наставникъ, Θεодосій Сидоровичъ Толмачевъ, въ зиму

1827—1828, обращая мое вниманіе на значеніе «Цыганъ», объяснялъ что Пушкинъ писалъ съ натуры, что онъ кочевалъ съ цыганскими таборами по Бессарабіи, что его даже упрекали за безнравственный родъ жизни весьма несправедливо, потому что писатель и художникъ имѣютъ полное право жить въ самой развратной и преступной средѣ для ея изученія.

Легенда эта, поясняющая мнимую съ натуры передачу цыганской жизни, въ воображеніи ребенка рисовала лишь высшія, таинственныя наслажденія внѣ условій и тѣсныхъ рамокъ семейной жизни. О предсудительности посѣщенія цыганъ я уже довольно слышался въ родственныхъ кружкахъ «московскихъ бригадиршъ обоого пола».

Въ 1827 году Пушкинъ училъ меня боксировать по-англійски, и я такъ пристрастился къ этому упражненію, что на дѣтскихъ балахъ вызывалъ желающихъ и нежелающихъ боксировать, послѣднихъ вызывалъ даже дѣйствіемъ во время самыхъ танцевъ. Всеобщее негодованіе не могло поколебать во мнѣ сознанія поэтического геройства, изъ рукъ въ руки переданнаго мнѣ поэтомъ - героемъ Пушкинымъ. Послѣдствія геройства

были однако для меня тягостны: изъ всего семейства меня одного перестали возить даже на семейные праздники въ подмосковныя ближайшихъ друзей моего отца.

Пушкинъ научилъ меня еще и другой игрѣ.

Мать моя запрещала мнѣ даже касаться картъ опасаясь развитія въ будущемъ наследственной страсти къ игрѣ. Пушкинъ во время моей болѣзни научилъ меня играть въ дурачки, употребивъ для того визитныя карточки, накопившіяся въ Новый 1827 годъ. Тузы, короли, дамы и валеты козырные опредѣлялись Пушкинымъ, значеніе остальныхъ не было опредѣлено, и эта-то неопредѣленность и составляла всю потѣху: завязывались споры, чья визитная карточка бьетъ ходы противника. Мои настойчивые споры и приводимыя цитаты въ пользу первенства понавшихся въ мои руки козырей потѣшали Пушкина какъ ребенка.

Эти непедагогическія забавы поэта объясняются и оправдываются его всегдашнимъ взглядомъ на приличіе. Пушкинъ неизмѣнно въ теченіи всей своей жизни утверждалъ, что все что возбуждаетъ смѣхъ—позволительно и здорово, все что разжигаетъ страсти—преступно и пагубно. Года два спустя именно

на этомъ основаніи онъ настаивалъ чтобы мнѣ дали читать Донъ-Кихота, хотя бы и въ переводѣ Жуковскаго.

Пушкина обвиняли даже друзья въ заискиваніи у молодежи для упроченія и распространенія популярности. Для меня нѣтъ сомнѣній, что Пушкинъ такъ же искренно сочувствовалъ юношескому пылу страстей и юношескому броженію впечатлѣній, какъ и чистосердечно, ребячески забавлялся съ ребенкомъ.

Кн. П. А. Вяземскій пишетъ Пушкину изъ Москвы отъ 22 ноября 1827 года:

«Въ концѣ января думаю быть у васъ. Что нашъ «Современникъ»: пойдетъ ли со временемъ? У насъ здѣсь Аксаковъ, глупѣйшій изъ современниковъ, съ которымъ ничего писать нельзя. Онъ поступаетъ съ нами, какъ поступилъ съ Филоктетомъ Лагарпа, то-есть бьетъ лежащихъ. Ты счастливъ: твой цензоръ даетъ тебѣ дышать и рѣжетъ только Аббасъ-Мирзу въ горахъ и жжетъ Ибрагима на морѣ. Мнѣ хочется иногда просить тебя подпустить въ свой жемчугъ мои буски для свободнаго пропуска. Я вчера обѣдалъ у дяди твоего. Онъ умиленнымъ и потѣющимъ взоромъ указывалъ намъ на Маргариточку

свою играющую на фортепiano. Кстати! Часто-ли объдаешь дома, то-есть въ нѣдрахъ Авраама? Сдѣлай милость объдай чаще. Сергѣй Львовичъ вѣрно въ брата, хлѣбосоль и любить кормить. Извини мнѣ что даю тебѣ совѣтъ, но ты знаешь какъ я люблю тебя. Мой сердечный поклонъ и лобзаніе въ руку Ольгѣ Сергѣевнѣ. Жива ли наслѣдственная шаль ея? А что дѣлаетъ «наша» другъ? Ольга Сергѣевна видно разбогатѣла: она хотѣла быть въ перепискѣ со мною когда не имѣла денегъ для абонированія въ библіотекѣ чтенія, а нынѣ уже не добивается переписки со мною. Кланяйся отъ меня Дельвигу, Плетневу. Не стыдно ли тебѣ, пакостнику, объдать у Булгарина? Не лучше ли объдать въ нѣдрахъ Авраама? Обнимаю тебя».

8-го ноября 1827 года кн. Вяземскій пишетъ Жуковскому:

«... Ради Бога, воспрянь! Неужели не набрался ты духа въ чужихъ краяхъ. Полно сидѣть мамою Василисою съ чулишко въ рукавахъ! Твое положеніе прекрасно, но озари, раздвинь кругъ своего дѣйствія. Не засынай въ нѣгѣ поэзіи жизни, поэзіи, которой вѣрю въ тебѣ, потому что душа твоя зажжена не у площаднаго фонаря, но не отрекайся и отъ

прозы, которая также въ своихъ послѣдствіяхъ есть поэзія. Вотъ разница: боюсь, что твоя поэзія родитъ одну прозу, а проза, которую предлагаю тебѣ, неминуемо отзовется когда нибудь поэзіею, то есть чѣмъ нибудь возвышеннымъ. Сдѣлай милость, подумай о моей «библіотекѣ иностранныхъ книгъ». Ты можешь это сдѣлать и будешь истинно благодѣтелемъ литературы нашей. Радуюсь что мой «Современникъ» пришелъ тебѣ на вкусъ, но жалѣю, что мои современники мнѣ не подь-стать. Кому же какъ не тебѣ быть главою такого предпріятія. По крайней мѣрѣ Пушкину. Мнѣ, пожалуй, и откажутъ въ позволеніи издавать журналъ. Васъ посовѣстятся, но я не Булгаринъ и не буточникъ, слѣдовательно какъ мнѣ журналъ издавать. Самъ Блудовъ скорѣе будетъ покровительствовать Булгарину чѣмъ мнѣ, или журналу, выходящему подъ моимъ содѣйствіемъ, что между прочимъ уже и было. Надѣюсь быть въ январѣ у васъ, и тогда увидимъ. Я радъ содѣйствовать, а другой стези мнѣ на дѣйствіе нѣтъ, кромѣ литературной, или даже журнальной, потому что Богъ размѣнялъ мое приданое на мелочь. Признайся, мерзавецъ, что ты съ тѣмъ только и написалъ ко мнѣ, чтобы влѣпить мнѣ

инвалидный листокъ! Богъ тебѣ судья! А между тѣмъ сдѣлаю, что можно. Кажется въ «Телеграфѣ» разъ уже отзывались съ похвалою о «Славянинѣ» *). Да зачѣмъ онъ «Славянинъ?» Пришлю тебѣ на-дняхъ книжки «Телеграфа» и «Москов. Вѣстника», тебѣ принадлежащія, а первыя книжки ищутъ тебя по Европѣ. Будешь ли имѣть случай пересылать безденежно журналы къ Тургеневу? Разложи же свой ящикъ съ книгами и дай мнѣ все что можешь. И старое хорошо, когда нѣтъ новаго. — Стихи, за которые ты сердисься, даны мнѣ Перовскимъ для напечатанія. Вѣдайся съ нимъ. Письма твоя имѣли цѣну что ни говори, и обракованныя тобою лучше по моему избранныхъ: въ нихъ болѣе мыслей, сужденій и дѣла. Обнимаю тебя».

Оба эти письма важны по отношенію къ готовившейся журнальной дѣятельности Пушкина и его друзей.

Въ 1828 году Пушкинъ и князь Вяземскій просили разрѣшенія отправиться на театръ войны. Отказъ сообщенъ графомъ Бенкендорфомъ, отъ 22-го апрѣля 1828 года, и мотивированъ тѣмъ, что просятся многіе и что

*) «Славянинъ» издавался Воейковымъ.

всѣмъ отказываютъ. Тогда же было отказано и Пушкину.

Здѣсь можетъ быть кстати помѣстить замѣтку касательно сообщенныхъ П. А. Мухановымъ въ Русской Старинѣ «Воспоминаній тайнаго совѣтника». Въ воспоминаніяхъ этихъ рассказывается, что поѣздка Пушкина на Кавказъ устроена была игроками. Поѣздка его на Кавказъ въ 1820 году устроена была Раевскими, взявшими съ собой заболѣвшаго Пушкина въ Екатеринославѣ. Поѣздка его въ 1829 году на Кавказъ и въ Малую Азію могла быть устроена дѣйствительно игроками. Они, по связямъ въ штабѣ Паскевича, могли выхлопотать ему разрѣшеніе отправиться въ дѣйствующую армію, угощать его живыми стерлядями и замороженнымъ шампанскимъ, проигрывать ему безрасчетно деньги на его путевыя издержки. Устройство поѣздки могло быть придумано игроками въ простомъ расчетѣ что они на Кавказѣ и въ Закавказьи встрѣтятъ скучающихъ богатыхъ людей, которые съ игроками не сѣли бы играть и которые охотно будутъ цѣлыми днями играть съ Пушкинымъ, а съ нимъ вмѣстѣ и со встрѣчными и поперечными его спутниками.

Разсказъ безъ подробностей, безъ коммен-

таріевъ—есть тяжелое согрѣшеніе противъ памяти Пушкина, потому что въ голомъ намекѣ, можетъ быть имѣющемъ и официальную достовѣрность, слышится какъ будто заподозриваніе сообщничества Пушкина въ игрецкомъ планѣ. Пушкинъ до кончины своей былъ ребенкомъ въ игрѣ, и въ послѣдніе дни жизни проигрывалъ даже такимъ людямъ, которыхъ кромѣ его обыгрывали всѣ. Нигдѣ не видно чтобы Пушкинъ похвалился выигрышемъ, между тѣмъ какъ изъ его писемъ нерѣдко видно, что онъ проигрывалъ, напр. во Псковѣ четвертую главу Онѣгина, вмѣсто того чтобы написать седьмую. Въ Петербургѣ онъ проигралъ Никитѣ Всеволожскому цѣлый томъ стихотвореній.

Впрочемъ Пушкинъ не всегда проигрывался. Между письмами отца моего къ Булгакову сохранилось письмо другому лицу. Это письмо относится къ 1828 году.

«Я почти укралъ у Пушкина Онѣгина, который еще не совсѣмъ выпелъ въ свѣтъ. Онъ все собирается писать тебѣ, а между тѣмъ все играетъ, по крайней мѣрѣ кажется не проигрываетъ».

Отъ 17-го мая 1828 года князь Вяземскій пишетъ Тургеневу изъ Петербурга:

«Вчера Пушкинъ читалъ свою трагедію у Лаваль: въ слушателяхъ были двѣ княгини Michel, Одоевская-Ланская, Грибоѣдовъ, Мицкевичъ, юноши, Балкъ, который слушалъ трагически. Кажется всѣ были довольны, сколько можно быть довольнымъ мало понимаемая. Въ трагедіи есть красоты первостепенныя. Я нѣсколько разъ слушалъ ее со вниманіемъ, и всегда съ новымъ, то есть свѣжимъ удовольствіемъ. Иныя сцены, въ особенности изъ послѣднихъ, недостаточно развиты, и только развѣ *des sommaires de scènes*. Вообще истина удивительная, трезвость, спокойствіе. Автора почти нигдѣ не видишь. Передъ тобою не куклы на проволкъ, дѣйствующія по манію закулиснаго фокусника. Но за то можетъ быть мало созданія; Вальтеръ-Скоттъ также историченъ, но все болѣе соображеній въ его картинахъ. Читая его угадываешь что человекъ этотъ могъ бы и выдумать событія, создать свою исторію: въ Борисѣ Годуновѣ не находишь того убѣжденія, за то сравните климатъ, въ которомъ родился, развился, созрѣлъ одинъ и другой. Вся Англія, прошедшая и нынѣшняя, приготовила Вальтеръ-Скотта, напитала его соками своими. У насъ Пушкинъ послѣ

Карамзина выродокъ. Русская природа не могла выразить его. А старуха Michel *) безподобная: мало знаетъ по-русски, вовсе не знаетъ русской исторіи, а слушала какъ умница».

Осень 1828 года.

Князь Вяземскій пишетъ А. И. Тургеневу:
«О литературѣ сказать нечего. Она вся заключается въ двухъ или трехъ журналахъ и въ альманахахъ. Пушкинъ, сказываютъ, поѣхалъ въ деревню: теперь самое время случки его съ Музою, глубокая осень. Цѣлое лѣто кружился онъ въ вихрѣ петербургской жизни, воспѣвалъ Закревскую: вотъ четыре стиха, которые дошли до меня:

И мимо всѣхъ условій свѣта
Стремится до утраты силъ,
Какъ беззаконная комета
Въ кругу разчисленномъ свѣтилъ.

«Еще написалъ онъ народную балладу: «Утопленникъ», гдѣ много силы:

И въ опухнувшее тѣло
Раки черные впились.

«Вѣроятно все это будетъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ», будетъ много и моего и прекрасно рассказанная сказка Баратынскаго, кото-

*) Княгиня Голицына.

рый кончилъ также и свой «Бальный вечеръ». Чѣмъ болѣе вижу съ Баратынскимъ, тѣмъ болѣе люблю его за чувства, за умъ, удивительно тонкій и глубокий, раздробительный. Возьми его врасплохъ, какъ хочешь, вездѣ и всегда найдешь его съ новою, своею мыслью, съ собственнымъ воззрѣніемъ на предметъ. Сегодня разговорились мы съ нимъ о Филаретѣ, къ которому возить его тестъ, Энгельгардтъ. Онъ говоритъ что наши монахи сановные напоминаютъ ему всегда что-то женское: ряса какъ юбка и въ обращеніи какое-то кокетство, игра затверженной роли, и проч. Мнѣ кажется это замѣчаніе удивительно вѣрно. Филаретъ критиковалъ въ «Борисѣ Годуновѣ» сцену кельи о. Пимена, въ которой лежитъ Гришка Отрепьевъ, во первыхъ потому что въ монастыряхъ монахи не спятъ по двое: положимъ это такъ; но далѣе: зачѣмъ заставлятъ Отрепьева валяться на полу? Взойдите, говоритъ онъ, въ любой монастырь, въ любую келью, вы найдете у каждаго монаха какую ни есть постелишку, не богатую, но по крайней мѣрѣ чистую. Каково это тебѣ покажется, господинъ Филофиларетъ?»...

Въ письмѣ къ Пушкину отъ 25 сентября 1828 года кн. Вяземскій говоритъ:

«Какіе твои стихи гдѣ ты сравниваешь мѣдную Грацію (а не мѣдную Венеру) съ незаконною кометою? Покажи ихъ. Я изъ нихъ знаю, и то ошибочно, только четыре стиха».

Къ А. И. Тургеневу кн. Вяземскій пишетъ изъ Москвы отъ 12 декабря 1828 года:

«Здѣсь Александръ Пушкинъ; я его совсемъ не ожидалъ. Онъ привезъ славную новую поэму «Мазепу», но не Байроновскаго, а своего. Приѣхалъ онъ недѣли на три, какъ сказывается; еще ни въ кого не влюбился, а старыя любви его немного отшатнулись. Вчера долженъ онъ былъ быть у Корсаковой, не знаю еще какъ была встрѣча. Я его все подзываю съ собою въ Пензу, онъ не прочь, но не надѣюсь, тѣмъ болѣе что къ тому времени вѣроятно онъ влюбится. Онъ очень тебѣ кланяется. Онъ вовсе не перемѣнился, хотя кажется не такъ веселъ. Кончилъ онъ также и седьмую пѣсню Онѣгина, но я еще не слыхалъ».

Къ нему же Вяземскій пишетъ отъ 9-го января 1829 года:

«Онъ что-то во все время былъ не совсѣмъ по себѣ. Не умѣю объяснить, ни угадать что съ нимъ было, или чего не было, mais il n'était pas en verve. Постояннѣйшія его посѣщенія были у Корсаковыхъ и у цыганокъ; и въ томъ и въ другомъ мѣстѣ видѣлъ я его рѣдко, но видалъ съ тѣми и другими, и все не узнавалъ прежняго Пушкина».

А. С. Пушкинъ пишетъ къ князю Вяземскому въ началѣ весны 1830 года:

«Посылаю тебѣ драгоцѣнность: доносъ Сумарокова на Ломоносова. Подлинникъ за собственноручною подписью видѣлъ я у Ив. Ив. Дмитріева. Онъ отыскалъ въ бумагахъ Миллера, надорванный, вѣроятно въ присутствіи и вѣроятно сохраненный Миллеромъ какъ документъ распутства Ломоносова: они были врагами. Состряпай изъ этого статью и тисни въ «Лит. Газ.» Письмо мое доставитъ тебѣ Гончаровъ, братъ красавицы: теперь ты угадаешь что тревожитъ меня въ Москвѣ. Если ты можешь влюбить въ себя Е...., то сдѣлай мнѣ эту божескую милость... она преслѣдуетъ меня и здѣсь письмами и посылками. Избавь меня отъ Пентефріихи. Булгаринъ изумилъ меня своею выходкою: сердиться нельзя, но побить его можно и, думаю, долж-

но—но распутица, лѣнь и Гончарова не выпускаютъ меня изъ Москвы, а дубины въ 800 верстъ длины въ Россіи нѣтъ, кромѣ графа Панина. Жену твою вижу часто, т. е. всякой день. Наше житье-бытье сносно. Дядя живъ. Дмитріевъ очень милъ. Зубковъ членъ клуба. Ушаковъ кривъ. Вотъ тебѣ просьба: Погодинъ собрался ѣхать въ чужіе края, онъ можетъ обойтись безъ вспоможенія, но все-таки лучше бы... Поговори объ этомъ съ Блудовымъ, да пожарче. Строевъ написалъ *tables des matières* исторіи Карамзина, книгу намъ необходимую. Ее надобно напечатать, поговори Блудову и объ этомъ. Прощай. Мой сердечный поклонъ всему семейству. Въ доносѣ пропущено слово оскорбилъ».

Въ этомъ письмѣ Пушкина, уже напечатанномъ въ «Русскомъ Архивѣ», мы выпускаемъ одну грубую шутку, совершенно непонятную за неимѣніемъ на нее комментарія. Въ прямомъ своемъ значеніи она положительно не можетъ быть принята и даже не имѣетъ смысла. Письмо это весьма важно, такъ какъ Пушкинъ намекаетъ слишкомъ прозрачно на происходившій въ немъ переворотъ весной 1830 года: Пушкинъ рѣшился

влюбиться не на шутку, а шутки бросить въ сторону, торопясь очистить свою сцену отъ всякаго скоморошества.

Любопытно по сопоставленію чиселъ то, что письмо Пушкина изъ Москвы, написанное въ мартѣ 1830 года, служитъ въ перепискѣ отвѣтомъ на письмо, написанное кн. Вяземскимъ изъ Москвы же въ Петербургъ Пушкину, отъ 2 февраля того же года, и заканчивающагося словами:

«А что за картина была въ картинахъ Гончарова».

Пушкинъ пораженъ былъ красотой Н. Н. Гончаровой съ зимы 1828—1829 года. Онъ, какъ самъ говорилъ, началъ помышлять о женитьбѣ желая покончить жизнь молодаго человѣка и выйти изъ того положенія, при которомъ какой нибудь юноша могъ трепать его по плечу на балѣ и звать въ неприличное общество. Почти тѣ же выраженія, которыя приходилось впоследствии слышать отъ Пушкина встрѣчаются и въ письмѣ къ женѣ его, отъ 17 апрѣля 1834 года («Вѣстникъ Европы» 1878), когда онъ говоритъ о своей временной холостой жизни въ Петербургѣ:

«Потомъ — пишетъ Пушкинъ — явился я

къ Дюме, гдѣ появленіе мое произвело общее веселье: «Холостой, холостой Пушкинъ!» Стали потчивать меня шампанскимъ и пуншемъ и спрашивать не поѣду ли къ Софьѣ Астафьевнѣ? Все это меня смутило, такъ что я къ Дюме являться уже болѣе не буду».

Въ концѣ мая Пушкинъ пишетъ:

«Обѣдаю у Дюме въ два часа, чтобы не встрѣтить холостой шайки».

Холостая жизнь и несоотвѣтствующее лѣтамъ положеніе въ свѣтѣ надоѣли Пушкину съ зимы 1828—1829 года. Устраняя напускной цинизмъ самаго Пушкина и судя по человѣчески слѣдуетъ полагать что Пушкинъ влюбился не на шутку около начала 1829 года. Напускной же цинизмъ Пушкина доходилъ до того, что онъ хвалился тѣмъ что стихи имъ посвященные Н. Н. Гончаровой 8 іюля 1830 года:

Тебя мнѣ вѣспослалъ, тебя, моя Мадонна,
Чистѣйшей прелести, чистѣйшій образецъ...

— что эти стихи были сочинены имъ для другой женщины...

Елизавета Михайловна Хитрова, дочь знаменитаго фельдмаршала Кутузова (род. 1783, сконч. 1839), питала къ Пушкину самую нѣжную, страстную дружбу. Между по-

томками знаменитаго полководца въ женской линіи сохранялись и сохраняются многія доблестныя кутузовскія традиціи, большое уваженіе къ проявленіямъ общественной дѣятельности и горячая любовь ко всему что составляетъ славу русскаго имени. И Пушкинъ и отецъ мой сохраняли по смерть самыя дружескія отношенія ко внукамъ Кутузова, недавно скончавшемуся Николаю Матвѣвичу Толстому, Павлу Матвѣвичу Толстому-Кутузову, княгинѣ Аннѣ Матвѣевнѣ Голицыной и графинѣ Тизенгаузенъ.

Елизавета Михайловна Хитрова пишетъ кн. П. А. Вяземскому весной 1830 года:

«Я только что узнала съ большимъ огорченіемъ, любезный князь, что «статья о Видокѣ» такого свойства что она можетъ повредить нашему общему другу. Перовскій, который только что отъ меня вышелъ—человѣкъ благоразумный—мнѣ повторилъ что по дружбѣ къ Пушкину онъ весьма бы желалъ чтобы статья не появлялась въ печати: самое незначительное послѣдствіе было бы если Булгаринъ отвѣчалъ напечатаніемъ новыхъ писемъ. Я вамъ замѣчу, дорогой князь, что я во всемъ этомъ не понимаю равнодушія литературныхъ друзей Пушкина. По крайней

мѣрѣ необходимо посовѣтоваться съ Жуковскимъ, Пушкинъ любить его, а на его мнѣніи рѣдко можно опереться въ пользу перебранокъ. Это первое движеніе еще старая закваска. Нельзя ли отложить статью въ ожиданіи отвѣта Жуковского; я совершенно убита тѣмъ что сказалъ мнѣ Перовскій».

Статья о которой говоритъ Е. М. Хитрова напечатана въ V томѣ сочиненій Пушкина (изд. 1859 года, стр. 163). Статья написанная рукой Пушкина безъ помянокъ сохранилась въ бумагахъ кн. Вяземскаго. Комментарій на эту статью находимъ въ письмѣ Вяземскаго къ А. И. Тургеневу отъ 25-го апрѣля 1830 года.

«Посылаю тебѣ, любезнѣйшій другъ, отъ Дельвига его Газету и 7-ю пѣсню Онѣгина. Въ Газетѣ означилъ я имена авторовъ надъ нѣкоторыми статьями. Ты удивишься на страницѣ 94 стихамъ Пушкина къ Филарету: онъ былъ задранъ стихами его преосвященства, который пародировалъ, или лучше сказать палинодировалъ стихи Пушкина о жизни (Даръ напрасный) которые нашель онъ у общей ихъ пріятельницы Елизы Хитровой, пылающей къ одному христіанскою, а къ другому языческою любовью.

Въ статьѣ о Видокѣ на страницѣ 162 ты узнаешь Видока-Булгарина. Она написана Пушкинымъ въ отвѣтъ на пакостную статейку Булгарина въ «Сѣверной Пчелѣ», гдѣ Пушкинъ (подъ видомъ французскаго писателя, а Булгаринъ гофмано-французскаго) названъ картежникомъ, пьяницею, вольнодумцемъ предъ чернью и подлецомъ предъ сильными, и все это потому что Булгаринъ принялъ критику Дельвига на романъ его за критику Пушкина, и разсердился что его называютъ полякомъ, а вѣроятно еще болѣе за то что обвиняють его въ напрасной клеветѣ на самозванца, котораго онъ представляетъ шпиономъ. Вотъ еще отвѣтъ Пушкина:

Не то бѣда, что ты полякъ—
Косцюшко ляхъ, Мицкевичъ ляхъ,
Пожалуй будь себѣ татаринъ—
И тутъ не вижу я стыда,
Будь жидъ—и это не бѣда,
Бѣда что ты Оаддей Булгаринъ.

Къ пріятельской перепискѣ также служитъ комментариемъ письмо Хитровой Пушкину отъ 18-го марта съ припиской отъ 20-го и 21-го того же мѣсяца. Всѣ письма ея писаны по французски.

«Я только что начинала успокаиваться относительно вашего пребыванія въ Мо-

сквѣ, какъ опять должна дрожать за ваше здоровье; меня увѣряютъ что вы больны въ Торжкѣ. Ваша блѣдность одно изъ послѣднихъ впечатлѣній оставленныхъ вами. Я безпрестанно вижу васъ у этой двери близъ которой на васъ смотрѣла съ блаженствомъ полагая васъ можетъ быть увидать на другой день,—а вы блѣдный, разстроенный, несомнѣнно сознавая ту горечь которая мнѣ предстояла. Я въ тотъ же вечеръ трепетала за ваше здоровье. Не знаю къ кому обратиться чтобы узнать правду. Вотъ уже четвертый разъ что вамъ пишу; завтра пятнадцатый день какъ вы уѣхали; совершенно непонятно что вы не написали ни одного словечка; вы слишкомъ хорошо знаете всю мою нѣжность, столь для меня тревожную и раздирающую; это не въ нашемъ великодушномъ характерѣ оставлять меня безъ извѣстій о васъ. Запрещайте мнѣ говорить вамъ о сбѣ, но не лишайте меня счастья быть вашимъ комиссіонеромъ. Я буду говорить вамъ о большомъ свѣтѣ, иностранной литературѣ, о предположеніяхъ относительно перемѣны министерствъ во Франціи. Увы, я у источника всякаго рода вещей, но я одного лишена—это счастья. Я

сообщу вамъ что радость третьяго дня вечеромъ была у меня полная. Великій князь Михайль Павловичъ пріѣхалъ провести вечеръ съ нами, и при видѣ вашего или правильнѣе вашихъ портретовъ онъ сказалъ мнѣ: «Знаете ли что я никогда не видалъ Пушкина очень близко; у меня были противъ него большія предубѣжденія; но по всему что до меня доходить я весьма желаю его узнать, и особенно желаю имѣть съ нимъ продолжительный разговоръ». Онъ кончилъ тѣмъ что попросилъ у меня «Полтаву». Какъ я люблю чтобы васъ любили.

«Хотя я съ вами (зная какъ вы того не терпите) и тиха, и безобидна и безропотна, однако увѣдомляйте меня время отъ времени о полученіи моихъ писемъ. Я буду въ восторгѣ при видѣ вашего почерка! Я также желала бы узнать отъ васъ самого, мой дорогой Пушкинъ, осуждена ли я свидѣться съ вами лишь по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Сколько тягостнаго, раздирающаго въ этой мысли. Вотъ видите однако я внутренно убѣждена если вы узнаете до какой степени я чувствую необходимость видѣть васъ, вы однако умилосердитесь и вернетесь ко мнѣ

хотя бы на нѣсколько дней. Откровенно говоря—я ужасно утомлена».

Отъ 20-го марта она же пишетъ Пушкину:

«Я только что вернулась отъ Филарета; онъ рассказалъ мнѣ о недавнемъ происшествіи въ Москвѣ, о которомъ ему нынѣ доносятъ; онъ присовокупилъ: расскажите это Пушкину. Я написала это на моемъ плохомъ русскомъ языкѣ, точно такъ какъ эта исторія была мнѣ рассказана, и посылаю вамъ ее не смѣя его послушаться.

«Благодарю Бога: говорятъ что вы благополучно прибыли въ Москву; позаботьтесь о себѣ, будьте благоразумны. Какъ можно такую прекрасную жизнь бросать за окошко».

«21-го. Вчера вечеромъ на репетиціи каруселя много говорили о вашей седьмой пѣсни; эта глава имѣла всеобщій успѣхъ. Императрица перестала верхомъ ѣздить.

«И такъ пишите мнѣ правду какъ бы она ни была прискорбна. Увижу ли я васъ къ Пасхѣ».

Кн. П. А. Вяземскій пишетъ къ Пушкину отъ 26-го апрѣля 1830 года:

«Я сейчасъ съ обѣда Сергѣя Львовича, и твои письма, которыя я тамъ прочелъ, убѣдили

меня что жена меня не мистифируетъ и что ты точно женихъ. Гряди, женихъ, въ мои объятія! А болѣе всего убѣдила меня въ истинѣ женитьбы твоей вторая, екстренная бутылка шампанскаго, которую отецъ твой разлилъ намъ при полученіи твоего послѣдняго письма. Я тутъ ясно увидалъ что дѣло не на шутку. Я могъ не вѣрить письмамъ твоимъ, слезамъ его, но не могъ не повѣрить его шампанскому. — Поздравляю тебя отъ всей души. Дай Богъ тебѣ счастья, и засіяй отнынѣ въ жизни твоей новая эра. Я слышалъ что ты будто писалъ къ Государю о женитьбѣ. Правда-ли? Мнѣ кажется, что тебѣ въ твоёмъ положеніи и въ твоихъ отношеніяхъ съ Царемъ необходимо просить у Него позволенія жениться. Жуковскій думаетъ что хорошо бы тебѣ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ чтобы просить о разрѣшеніи печатать «Бориса», представивъ что ты не богатъ, не вѣста не богата, а напечатаніе трагедіи обезпечитъ на нѣсколько времени твое благосостояніе. Можетъ быть Царь и вздумаетъ дать приданое не вѣстѣ твоей. Я также со вчерашняго дня женился на Канкринѣ. Твоя не вѣста красивѣе. Гдѣ ты будешь жить? Я вѣроятно, по крайней мѣрѣ на годъ, оста-

нусь въ Петербургѣ. Что впередъ будетъ— Богъ вѣсть. Надобно бы намъ затѣять что нибудь литературное въ прокъ. Тебѣ съ женою, мнѣ безъ жены, а съ Канкринымъ, въ Петербургѣ предстоятъ новыя издержки. Должно ихъ прикрыть. На «Литературную Газету» надежды мало. Дельвигъ лѣнивъ и ничего не пишетъ, а выѣзжаетъ только *sur sa bête de somme ou de Somoff*.—Въ майѣ приѣду на нѣсколько времени въ Москву: тогда переговоримъ. Когда твоя свадьба? Скажи, я постараюсь къ ней приѣхать. Прости, обнимаю тебя отъ всего сердца. Прошу рекомендовать меня невѣстѣ какъ бывшаго поклонника ея на балахъ, а нынѣ преданнаго ей дружескою преданностью моею къ тебѣ. Я помню что говоря съ старшею сестрою сравнивалъ я Алябьеву *avec une beauté classique*, а невѣсту твою *avec une beauté romantique*. Тебѣ первому нашему романтическому поэту и слѣдовало жениться на первой романтической красавицѣ нынѣшняго поколѣнія.—Признаюсь, хотѣлъ бы хоть въ щелочку посмотреть на тебя въ качествѣ жениха».

И Пушкинъ въ посланіи къ Юсупову ставитъ ему въ заслугу что онъ высоко цѣнилъ:
«Блескъ Алябьевой и прелесть Гончаровой»

Елизавета Михайловна Хитрова по объявленіи женитьбы Пушкина пишетъ ему:

«9-го (мая) вечеромъ. Я нахожу совершенно необходимымъ чтобы вы увѣдомили меня о полученіи этого письма. На будущее время вы не можете оправдываться — я для васъ болѣе никакого значенія не имѣю. Говорите мнѣ о вашей женитьбѣ и о вашихъ будущихъ намѣреніяхъ. Всѣ исчезаютъ, а хорошая погода не появляется. И Долли и Катерина просятъ васъ рассчитывать на нихъ чтобы быть путеводительницами вашей Наталіи. Г* даетъ уроки послу и его женѣ, а я перевожу на русскій языкъ: *Marriage in the High life*; я буду продавать его въ пользу бѣдныхъ».

Она же пишетъ Пушкину вскорѣ послѣ предыдущаго письма:

«Я опасаясь для васъ прозаической стороны супружества. Я всегда думала что гений можетъ устоять только среди совершенной независимости и развиваться только среди повторяющихся бѣдствій; что совершенное благополучіе — положительное, безпрерывное, и современемъ довольно однообразное — убиваетъ способности, располагаетъ къ разжиренію, скорѣе способно соз-

дать добряка чѣмъ великаго поэта!.. И можетъ быть послѣ личнаго горя въ первую минуту это меня болѣе всего укололо... Благодаря Бога я вовсе въ сердцѣ не имѣю себялюбія. Я обдумала, я боролась, страдала, и наконецъ я достигла того что я желаю чтобы вы поскорѣ женились. Устройтесь же съ вашей красивой и прелестной женой въ хорошенькомъ, маленькомъ, опрятненькомъ деревянномъ домѣ; по вечерамъ ходите къ тетушкамъ составлять имъ партію, и возвращайтесь счастливымъ и спокойнымъ домой благодаря Провидѣнію за ввѣренное вамъ сокровище; забудьте прошедшее, и пусть ваше будущее принадлежитъ исключительно вашей женѣ и ванимъ дѣтямъ!

«Я увѣрена, такъ какъ мнѣ извѣстны мысли Государя на вашъ счетъ, если вы только пожелаете какое либо мѣсто при Немъ, вамъ дадутъ его; этимъ можетъ быть и не слѣдовало бы пренебрегать, ибо оно кончится тѣмъ что доставитъ вамъ независимость со стороны денежной и со стороны правительственной. Государь такъ хорошо расположенъ что вамъ никого не нужно, но ваши друзья конечно ради васъ разсыпятся на 46,000, и родственники вашей жены могутъ

быть вамъ также полезны. Я полагаю что вы уже получили мое очень коротенькое письмо. Въ сущности между нами ничего не измѣнилось—я буду видѣть васъ еще чаще... (если Богъ дастъ я еще увижу васъ). Отнынѣ навсегда мое сердце, мои задушевныя мысли останутся для васъ непроницаемой тайной, а мои письма будутъ вполнѣ какъ должно быть. Океанъ будетъ между мною и вами. Но и прежде и послѣ вы всегда найдете во мнѣ и для васъ, и для жены вашей и для дѣтей—друга непоколебимаго какъ скала о которую все разбивается... Расчитывайте на это по жизнь и смерть. Располагайте мною на все и безъ разбора. Я создана природою чтобы на все рѣшаться для другихъ. Я драгоценное созданіе для моихъ друзей. Мнѣ ничего не стоитъ; я хожу говорить съ важными лицами, и ничто не можетъ меня сбить, я снова возвращаюсь. Ни время, ни обстоятельства, ничто не можетъ лишить меня бодрости; на тѣло мое не дѣйствуетъ утомленіе сердца. Я ничего не боюсь и я много постигаю, и моя дѣятельность чтобы услужить есть столько же дарованіе Неба, сколько и послѣдствіе положенія моего отца въ свѣтѣ и горячаго воспитанія, гдѣ

все было основано на необходимости быть полезной другимъ.

«Когда я утоплю мою любовь къ вамъ въ слезахъ моихъ — я все-таки останусь тѣмъ же существомъ, страстнымъ, смиреннымъ и безобиднымъ, которое за васъ готово идти и въ ледъ, потому что такъ я люблю и тѣхъ которыхъ я люблю немного».

Холера задержала Пушкина въ деревнѣ до конца 1830 года. Немедленно по снятіи карантинъ, въ декабрѣ или январѣ 1831 года, онъ навѣстилъ насъ въ Остафьевѣ. Я живо помню какъ онъ во время семейнаго вечерняго чая расхаживалъ по комнатѣ, не то плавая, не то какъ будто катаясь на конькахъ, и потирая руки декламировалъ сильно напирая на: «Я мѣщанинъ, я мѣщанинъ», «я просто русскій мѣщанинъ». Съ особеннымъ наслажденіемъ Пушкинъ прочелъ врѣзавшіеся въ мою память четыре стиха:

Не торговалъ мой дѣдъ блинами,
Въ князья не прыгалъ изъ хохловъ,
Не ваксилъ царскихъ сапоговъ,
Не пѣлъ на крылосахъ съ дьячками.

Распространеніе этихъ стиховъ, несмотря на увѣщанія моего отца, несомнѣнно вооружило противъ Пушкина много озлобленныхъ

враговъ, и болѣе всего вооружило противъ него при его кончинѣ цѣлую массу вліятельныхъ семействъ въ Петербургѣ. Хуже всего для Пушкина было то что онъ игралъ честью предковъ (хотя въ сущности эти выходки были вполнѣ безобидны), будучи увлеченъ и подвинуть на то исключительно полемикой съ Булгаринымъ. Самолюбіе поэтовъ ставить ихъ въ нелогичное положеніе: они не уважаютъ ничтожности и требуютъ отъ этихъ ничтожностей чтобы онѣ уважали и цѣнили достоинство поэта.

Пушкинъ женился 18 февраля 1831 года. Я принималъ участіе въ свадьбѣ, и по совершеніи брака въ церкви отправился вмѣстѣ съ Павломъ Войновичемъ Нащокинымъ на квартиру поэта для встрѣчи новобрачныхъ съ образомъ. Въ щегольской, уютной гостиной Пушкина, оклеенной диковинными для меня обоями подъ лиловый бархатъ съ рельефными набивными цвѣточками, я нашелъ на одной изъ полочекъ, устроенныхъ по обоимъ бокамъ дивана, никогда мною невиданное и неслыханное собраніе стихотвореній Кирши Данилова. Былины эти, напечатанныя въ важномъ форматѣ и переданныя на дивномъ языкѣ, приковали мое вниманіе на весь вечеръ.

Мнѣ хорошо были извѣстны лубочныя кофѣечныя изданія сказокъ, жадно мною скупаемыхъ: тогда въ Москвѣ они также легко покупались, какъ изюмъ, орѣхи и моченныя яблоки; насыщенъ я былъ изустно этими сказками отъ нянекъ и горничныхъ дѣвушекъ, между которыми встрѣчались большія мастерицы. Перечиталъ я уже тогда и собраніе сказокъ Чулкова и другія болѣе или менѣе литературныя передѣлки старинныхъ народныхъ сказокъ. Взглядъ мой на народную передачу сказокъ тогда уже вполне установился. Съ жадностію слушалъ я высказываемое Пушкинымъ своимъ друзьямъ мнѣніе о прелести и значеніи богатырскихъ сказокъ и звучности народнаго русскаго стиха. Тутъ же я услышалъ что Пушкинъ обратилъ свое вниманіе на народное сокровище, коего только часть сохранилась въ сбѣрникѣ Кирши Данилова, что имѣется много чудныхъ, поэтическихъ пѣсень доселѣ неизданныхъ и что дѣло это находится въ надежныхъ рукахъ Киреевскаго. Среди послѣдователей Вольтера, Мармонтеля, Блэра и лѣ-Батё, я быть можетъ былъ единственное лицо подготовленное понимать и сочувствовать восторженной оцѣнкѣ Пушкинымъ нашей народной поэзіи. Мой

отецъ, любившій и понимавшій поэзію въ устахъ самого народа, всегда недовѣрчиво и враждебно относился къ письменной народной поэзіи, обрабатываемой и выпускаемой въ свѣтъ литературными людьми.

Еще въ 1827 году, когда мнѣ было семь лѣтъ, я напугалъ мою бабушку, Прасковью Юрьевну Кологривову, проживавшую въ Саратовской губерніи въ селѣ Мещерскомъ, моею начитанностью въ сказочной литературѣ. Въ зиму 1827—1828 бабушка моя каждый вечеръ брала меня къ себѣ и читала мнѣ житія изъ Пролога, чтобы противодѣйствовать миѳическому пресыщенію моего воображенія. Одинъ изъ моихъ наставниковъ, г. Робертъ, въ 1830 году въ письмѣ къ отцу изъ Остафьева сѣтуетъ что его предшественникъ видимо употреблялъ всѣ усилія дабы развивать воображеніе въ ущербъ болѣе положительнымъ качествамъ. Теперь мнѣ становится понятно, что Пушкинъ могъ наслаждаться своимъ дѣйствиємъ на впечатлительную, сочувствующую ему натуру и вызывать звуки чувствительнаго и на его ладъ настроеннаго инструмента. Объясненіе потраченнаго со мною времени Пушкинымъ во время моего дѣтства донинѣ составляло для меня загадку.

Недавно мнѣ пришлось уяснить себѣ такое личное отношеніе сильной, самобытной натуры Пушкина къ дѣтямъ. Пушкинъ поздравлялъ меня за установленіе дружескихъ отношеній съ однимъ моимъ ровесникомъ, предсказывая мнѣ, что свѣтлый умъ и энергическій характеръ моего товарища непременно выдвигнутъ его въ грядущихъ событіяхъ. Недавно я обращался къ этому старому товарищу, дѣйствительно занимавшему важныя и высшія государственныя должности, съ просьбой сообщить мнѣ какія у него были сношенія съ Пушкинымъ. На это онъ объяснилъ мнѣ, что до встрѣчи въ нашемъ домѣ онъ какъ-то разъ встрѣтился съ Пушкинымъ въ ново-открытомъ книжномъ магазинѣ Исакова въ 1834 году, гдѣ настаивалъ чтобы ему дано было именно то изданіе «Бахчисарайскаго фонтана», которое онъ требовалъ, а не то которое ему было доставлено. Пушкинъ подошелъ къ нему, спросилъ его о причинахъ предпочтенія одного изданія передъ другимъ, и очень обласкалъ его.

Отъ 21-го мая (1831) та же старая пріятельница Пушкина пишетъ кн. П. А. Вяземскому:

«Письмо ваше, чрезъ посредство Свистунова, мнѣ доказало что вы умѣете любить

вашихъ друзей даже пока они виноваты. Но можно ли писать—усталой страдать. А крови сколько пролито, сколько интересовъ въ застоѣ. Съ разстроенными нервами можно разговаривать, двигаться, но писать—убійственно, это приводитъ слишкомъ въ движеніе сердце и душу. Да и что же говорить: всякій день наканунѣ рѣшительныхъ событій, и мы болѣе чѣмъ когда-либо все болѣе отъ нихъ отдаляемы.

«Я была однако очень счастлива свидѣться съ нашимъ общимъ другомъ. Я нахожу что онъ много выигралъ въ умственномъ отношеніи и относительно разговора.—Жена очень хороша и кажется безобидной!

«Нѣтъ, я не могу восхищаться «Наложницей», и я въ томъ покаялась Пушкину. Впрочемъ я прочла ее въ два часа утра и съ головой наполненной Эсмеральдой—милѣйшей, прелестнѣйшей и очаровательнѣйшей изъ всѣхъ цыганокъ—этимъ созданиемъ Виктора Гюго и украшеніемъ Notre-Dame de Paris. Я даже вовсе не нашла въ ней автора (Баратынскаго) «Бала». Все это безцвѣтно, холодно, безъ энергіи, и особенно безъ всякаго воображенія. Герой—дуракъ, никогда не покидавшій Москвы. Я не могу его себѣ

иначе представить какъ въ дрянномъ экипажѣ или съ грязной передней. Впрочемъ, въ то время, въ которое намъ приходится жить, и среди той драмы, которая разыгрывается около насъ, можно выносить только одну порочную французскую литературу».

Графиня Фикельмонъ *), жена австрійскаго посла, внучка фельдмаршала Кутузова, въ письмѣ изъ Петербурга къ кн. Вяземскому въ Москву, отъ 25-го мая 1831 года, высказываетъ весьма замѣчательное предвидѣніе судьбы Пушкина:

«Пушкинъ къ намъ пріѣхалъ къ нашей большой радости—я нахожу что онъ въ этотъ разъ еще любезнѣе. Мнѣ кажется что я въ умѣ его отмѣчаю серьезный оттѣнокъ кото-

*) Здѣсь кстати замѣтить, что Dolly и Dolly Fiquelmont—подписи на письмахъ графини Фикельмонъ, и Долли упоминаемая въ письмахъ князя Вяземскаго и Пушкина—есть дочь Елизаветы Михайловны Хитровой, жена австрійскаго посла, а не дочь ея Дарья Ѳедоровна Опочинина, какъ сказано въ одномъ изъ примѣчаній „Русскаго Архива“ (1879, кн. VIII, стр. 486, примѣч. 33). Не лишне прибавить для исторической точности, что у Елизаветы Михайловны не было дочери за Опочининымъ, а была сестра Дарья Михайловна Опочинина.

рый ему и подходящъ. Жена его прекрасное созданіе; но это меланхолическое и тихое выраженіе похоже на предчувствіе несчастья. Физиономіи мужа и жены не предсказываютъ ни спокойствія, ни тихой радости въ будущемъ. У Пушкина видны всѣ порывы страстей; у жены вся меланхолія отреченія отъ себя. Впрочемъ я видѣла эту красивую женщину всего только одинъ разъ».

Помѣщаемое ниже письмо отъ той же замѣчательной петербургской красавицы (отъ 12-го декабря 1831 года) во многомъ служитъ комментариемъ къ предыдущимъ и даетъ правильное мѣрило для опредѣленія тѣхъ отношеній, которыя существовали въ ту эпоху между великосвѣтскими, модными женщинами и княземъ Вяземскимъ и Пушкинымъ.

«Тысячу разъ благодарю васъ, дорогой Вяземскій, за всѣ милыя и добрыя вещи мнѣ вами сказанныя. Хотя я и вполнѣ сознаю что вы цѣните меня сквозь снисходительную призму дружбы, и что я далеко не то что вы думаете, тѣмъ не менѣе мнѣ весьма отраднo читать васъ. Не думайте же что я инстинктивно направлена была къ сближенію съ вами и искала въ васъ друга.

Это мой добрый гений: я всегда смотрѣла какъ на даръ Провидѣнія быть другомъ замѣчательнаго человѣка. Затѣмъ я разрѣшаю вамъ предпочитать мнѣ всѣхъ хорошенькихъ женщинъ, волочиться за всѣми, даже и не замѣчать меня въ гостиной, потому что я рассчитываю на хорошій уголокъ въ вашемъ сердцѣ, откуда я не хочу чтобы меня выжили и гдѣ я останусь вопреки васъ самого.

«Я пишу вамъ мое письмо съ тайной надеждой что оно уже не застанетъ васъ въ Москвѣ. Вы увидите Петербургъ веселымъ, танцующимъ, несохранившимъ даже воспоминанія объ истекшемъ роковомъ годѣ; несмотря на всѣ грустныя, мрачныя, черныя мысли, возбужденныя истекшимъ годомъ, вы услышите только звуки музыки и пустѣйшіе разговоры. Какъ я ненавижу это суетное, легкомысленное, несправедливое, равнодушное созданіе которое называютъ обществомъ. Какъ Адольфъ (вашъ пріемышъ) правъ когда онъ говоритъ что обществу нечего насъ опасаться: оно такъ тяготѣетъ надъ нами, его глухое вліяніе такъ могуче, что оно немедля перерабатываетъ насъ въ общую форму.

«Знаете ли вы что Викторъ Гюго написалъ премилые стихи, гармоническіе, прочувствованные, религіозные. Это молитва обращенная къ его ребенку; въ немъ глубокая набожность какъ у Ламартина, но съ оттънкомъ горести земной и свѣтской, почему они еще трогательнѣе. Я бы переслала ихъ вамъ, если бы не надѣялась скоро увидаться съ вами. — Удивительно что авторъ излюбленный юною Франціей говорить о Богѣ какъ слѣдуетъ говорить о Немъ.

«Пушкинъ у васъ въ Москвѣ; жена его хороша, хороша, хороша! Но страдальческое выраженіе ея лба заставляетъ меня трепетать за ея будущность.

«Чтобы дать вамъ понятіе о нашихъ балахъ, я скажу лишь что мы пляшемъ мазурку на всѣ революціонныя аріи послѣдняго времени, и повѣрите ли вы мнѣ что я не нашла ни единой особы которая бы остановилась на этой мысли? Ожидаю васъ чтобы сообщить мои размышленія по этому поводу.

«Прощайте, дорогой Вяземскій; съ нетерпѣніемъ жду времени поболтать съ вами. Я ожидаю этого какъ праздника—оно мнѣ право необходимо. Матушка хворала; она очень

возбуждена, встревожена, но однако ей лучше. До свиданія, и привезите съ собою всю вашу добрую дружбу».

Пушкинъ и друзья его давно замышляли издавать ежедневный журналъ. Слѣды этой затѣи восходятъ къ 1819 году, когда М. Ѳ. Орловъ сдѣлалъ о томъ предложеніе въ арзамасскомъ обществѣ. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ Пушкинъ какъ будто серьезно задумалъ положить конецъ ненавистой монополіи Греча и Булгарина. Онъ выхлопоталъ даже разрѣшеніе, и какъ будто успокоился побѣдой въ принципѣ: ни въ бесѣдахъ Пушкина, ни въ его перепискѣ съ кн. Вяземскимъ, ни въ 1831-мъ, ни въ послѣдующихъ годахъ намѣреніе это не отражается.

Семейство наше переѣхало на житье въ Петербургъ въ октябрѣ 1832 года. Я живо помню прощальный, литературный вечеръ отца моего, съ его холостой петербургской жизнью, на квартирѣ въ домѣ Межуева у Симеоновскаго моста. Въ этотъ вечеръ происходилъ самый оживленный разговоръ о необходимости положить предѣлъ монополіи Греча и Булгарина и защитить честь русской литературы униженной подъ гнетомъ Булгарина, возбуждавшаго ненависть всего Пушкин-

скаго кружка болѣе чѣмъ его пріятель. За Греча прорывались изрѣдка и сочувственные отзывы. И въ этотъ вечеръ рѣчь шла о серьезномъ литературномъ предпріятіи, а не о ежедневной политической газетѣ.

Въ зиму 1832—1833 года особенно замѣтенъ былъ разгаръ ненависти противъ Булгарина. На сомнѣнія мои относительно законности вражды противъ Булгарина, довѣрчиво высказанныя мною Пушкину, Александръ Сергѣевичъ рассказалъ мнѣ что Булгаринъ привлеченный къ слѣдствію по 14-му декабря 1825 года выпутался изъ возбужденныхъ противъ него обвиненій съ триумфомъ настаивая на томъ что онъ никогда и никакимъ довѣріемъ со стороны подсудимыхъ не пользовался. Въ доказательство же преданности своей онъ указалъ на сношенія племянника своего (имя коего въ памяти моей не сохранилось) съ нѣкоторыми изъ подсудимыхъ, и такъ опуталъ своего племянника что несчастный пострадалъ, и, по мнѣнію Пушкина, пострадалъ невинно.

Вообще всѣ нападки на Булгарина вертѣлись на его сношеніяхъ съ полиціей.

Я помню какъ отецъ мой потѣшался увидавъ въ «Новосельи» или въ сборникѣ «Сто

русскихъ литераторовъ» повѣсть Булгарина оканчивающуюся словами: «Я тогда служилъ въ полиціи», и затѣмъ подпись: «Фаддей Булгаринъ». И впоследствии, когда къ именамъ Греча и Булгарина присоединилось имя Сенковскаго, я доискивался настоящей причины негодованія на этихъ трехъ публицистовъ, и единственное разъясненіе котораго я могъ добиться это то, что Гречъ, Булгаринъ и въ особенности Сенковскій издѣваются и закидываютъ грязью всѣ тѣ вышіе, политическіе и нравственные идеалы, которымъ служить Пушкинъ и его друзья.

Не можетъ быть сомнѣнія что источникъ негодованія на Булгарина и Сенковскаго заключается въ томъ что эти публицисты заподозрѣны были въ намѣреніи нравственно и умственно развращать читающую публику; негодованіе разжигалось убѣжденіемъ что цензура и графъ Уваровъ во главѣ ея поощряютъ Греча, Булгарина и Сенковскаго. Объясненіе это подтверждается любопытнымъ документомъ, многими непонятымъ: это письмо кн. Вяземскаго графу Уварову содержащее обвиненіе возводимое противъ профессора русской исторіи Устрялова, напечатанное во второмъ томѣ полного собранія сочиненій кн.

Вяземскаго. Въ нашемъ архивѣ сохранилось это письмо вмѣстѣ съ письмомъ А. С. Пушкина разъясняющимъ дѣйствительное значеніе этого обвиненія какъ памфлета направленнаго противъ стараго Арзамасца графа Уварова:

Пушкинъ пишетъ:

«Письмо твое прекрасно. Форма «М. Г.» или «О», и т. д., кажется ничего не значить, главное—дать статью какъ можно болѣе ходу и извѣстности. Но во всякомъ случаѣ цензура не осмѣлится ее пропустить, а Уваровъ самъ на себя розогъ не принесетъ. Бенкендорфа вмѣшивать тутъ мудрено, и не ловко. Какъ же быть? Думаю оставить статью какова она есть, а впослѣдствіи времени выбирать изъ нея все что будетъ можно выбрать, какъ нѣкогда дѣлалъ и ты въ «Лит. Газетѣ» со статьями не пропущенными Щегловымъ. Жаль что ты не разобралъ Устрялова по формулѣ изобрѣтенной Воейковымъ для Полеваго, а куда бы хорошо. Стихи для тебя переписываю».

Изъ слѣдующаго письма можно догадываться что одно время Пушкинъ замышлялъ дѣйствовать посредствомъ своего журнала на русскихъ женщинъ, которыхъ онъ уважалъ

несравненно болѣе чѣмъ мужчинъ, признавая нашихъ женщинъ несравненно просвѣщеннѣе.

Отъ 11 сентября 1831 года кн. Вяземскій пишетъ Пушкину:

«Какимъ же быть модамъ, когда ты помышляешь о четырехмѣсячномъ или третейскомъ журналѣ. Куда же поспѣютъ наши моды, развѣ — въ Камчатку? А о мѣсячномъ журналѣ намъ и думать нечего: мы не довольно правильной жизни».

Слѣдующее письмо также заключаетъ данныя о замышлявшемся Пушкинымъ противодѣйствию Булгарину. Здѣсь кажется имѣется въ виду ежедневный журналъ, на который Пушкинъ получилъ разрѣшеніе.

Кн. Вяземскій пишетъ А. И. Тургеневу изъ С.-Петербурга отъ 24 ноября 1832 года:

«Пушкинъ единогласно избранъ членомъ академіи, но чтобы не слишкомъ возгордился сею честью вмѣстѣ съ нимъ избранъ и Загоскинъ. Журналъ его рѣшительно не состоится, по крайней мѣрѣ на будущій годъ. Жаль. Литературная канальская шайка Грече-Булгаринская остается въ прежней силѣ».

Письмо оканчивается сообщеніемъ одной изъ тѣхъ многочисленныхъ эпиграммъ на Булгарина которыя въ то время служили какъ

будто для перевода духа... Эпиграмма напечатана въ полномъ собраніи сочиненій кн. П. А. Вяземскаго.

Любопытное письмо кн. Вяземскаго къ А. Я. Булгакову отъ 9 февраля 1833, кажется не напечатанное въ «Русскомъ Архивѣ», упоминаетъ мимоходомъ о Пушкинѣ.

Для насъ дорога каждая едва замѣтная черта обрисовывающая въ данную минуту хотя бы только свѣтское положеніе геніальнаго поэта. Маскарадъ о которомъ говорится въ письмѣ былъ сколько помнится въ австрійскомъ посольствѣ, на который Императоръ Николай Павловичъ явился въ венгерскомъ гусарскомъ мундирѣ.

«Вчерашній маскарадъ былъ великолѣпный, блестящій, разнообразный, жаркій, душевный, восхитительный, томительный, продолжительный. Для маскарада нужна большая зала, а особенно для маскарада съ репрезентаціею. Кадрили Царицы были прекрасны начиная съ Нея и съ Великой Княгини. Много совершенныхъ красавицъ: Завадовская, Радзивилова-Урусова, Долгорукая-Апраксина, пріѣзжая изъ Москвы дѣвица Булгакова длинноухая (дочь А. Я.), Суворова-Ярцова, милыя крошки—Дубенская, Бѣлосельская, Шереметева и

много другихъ. Старофранцузскій кадрилъ графини Фикельмонъ былъ также очень хорошъ, совершенно въ духѣ того времени, и могъ дать понятіе какъ дѣды влюблялись въ нашихъ бабушекъ съ пудрою, мушками, фижмами, и проч. Очень хороши были въ этомъ кадрилѣ сама графиня Долли и Толстая, фрейлина Великой Княгини. Балъ продолжался до шестаго часа. Впрочемъ жена и дочь тебѣ все расскажутъ лучше моего. Женщины даромъ что заняты своимъ дѣломъ, а все успѣютъ высмотрѣть. Мы заглядимся на какія нибудь, то есть на чьи нибудь плеча, на чью нибудь ножку, да вотъ-те и весь балъ, хоть тамъ звѣзды съ неба хватай. Хороша очень была Пушкина-поэтша, но сама по себѣ, а не въ кадриляхъ, по причинѣ что Пушкинъ задалъ ей стишокъ свой, который съ помощію Божіей не пропадетъ также для потомства.—Что твои уши? Пошли тпруши: то-есть здѣшнія ушки, а твои самородныя, то-есть что любовь твоя къ Карадори? Того и смотри что завербуете ее на великій постъ. Что писалъ Шаликовъ о концертахъ ея? Вотъ ужъ я думаю изгибался, извивался и завивался въ фразгахъ своихъ. Пока прощай. Воля твоя, нѣтъ мочи,

ни времени писать. Департаментъ, блины, балы такъ и заѣдаютъ. Дай заговѣться и тогда будетъ коту масляница, если хочешь почитать письма мои грешневыми (или просто грѣшными) блинами. Что вашъ карнавалъ? Поклонись ему, старому дружкѣ, отъ меня. Право пѣшкомъ побѣжалъ бы на субботній утренній маскарадъ. Я здѣсь никуда не гожусь: тамъ такъ я и рассыпался какъ бѣсъ передъ заутренею, а здѣсь того и смотри что песокъ..... посыплется. Обнимаю».

Помѣщаемъ здѣсь во многихъ отношеніяхъ любопытный документъ изданный и автографически къ открытію памятника Пушкина: это шуточное посланіе отца моего и Пушкина Жуковскому, отъ 26-го марта 1833 года. Письмо и стихи писаны рукой князя Вяземскаго за исключеніемъ двадцати пяти стиховъ, начиная съ «Г. Шафонскаго» по стихъ: «Да Англичанина Варнта», писанныхъ рукой Пушкина.

«Что, совершилъ свой геркулесовскій подвигъ, очинилъ свою палицу, написалъ письмо, да и баста! Окаянный лѣнивонецъ, хоть бы ради великаго поста сдѣлалъ богоугодное дѣло, но не даромъ Булгаринъ говоритъ,—что ты безбожникъ и вольнодумецъ, все что хочешь только

не вольнописецъ. Слава Богу, Николинъкъ Карамзину гораздо лучше. Сейчасъ получаю изъ Дерпта письмо, утверждающее или подтверждающее добрую вѣсть. Но вотъ открытое письмо, которое тебя обо всемъ увѣдомить. Прочти и отошли. А не поговорить-ли о словесности, то-есть о поэзи, на примѣръ о нашей съ Пушкинымъ и Мятлевымъ, который въ этомъ случаѣ былъ *potre chef d'école*.

Надо помянуть, непременно помянуть надо
Трехъ Матрень,

Да Луку съ Петромъ.

Помянуть надо и тѣхъ, которые на примѣръ:

Бывшаго поэта Панцерфитера,

Нашего прихода честнаго пресвитера,

Кунца Риттера,

Резанова, славнаго русскаго кандитера,

Всѣхъ православныхъ христіанъ города

Санктъ-Шитера,

Да покойника Юпитера.

Надо помянуть, непременно надо:

Московскаго поэта Вельяшева,

Его превосходительство генерала Ивашева

И двоюроднаго брата Вашева и Нашева.

Нашего Вальтера-Скотта Масальскаго,

Дона Мигуэля короля португальскаго

И господина городничаго города Мосаль-

скаго,

Надо помянуть, помянуть надо, непременно
надо:

Покойной Бесѣды члена Кикина,
Россійскаго дворянина Боборыкина
И извѣстнаго въ банкѣ члена Аникина.

Надобно помянуть и тѣхъ, которые напрымѣръ
между прочими:

Раба Божія Петрищева,
Извѣстнаго автора Радищева,
Русскаго лексикографа Татищева,
Сенатора съ жилою на лбу Ртищева,
Какого-то барина Станищева,
Пушкина—не Мусина, не Онѣгинскаго, а
Бобрищева,

Ярославскаго актера Канищева,
Нашега славнаго поэта шурина Павлищева,
Сенатора Павла Ивановича Кутузова-Голе-
нищева,

И ради Христа всякова добраго нищева.

Надо еще помянуть, непременно надо:

Бывшаго французскаго короля дисвитскаго,
(XVIII)

Бывшаго варшавскаго коменданта Левицкаго.

И полковника Квитскаго.

Американца Монрое,

Виконта Дарленкура и его Ипсибое

И всѣхъ спасшихся отъ потопа при Ноеѣ.

Музыкальнаго Бетговена

И таможеннаго Овена.

Александра Михайловича Гедеонова,

Всѣхъ членовъ старшаго и младшаго дома
Бурбонова,
И супруга Берійской неизвѣстна онова
Каммеръ-юнкера Загряжскаго,
Уѣзднаго засѣдателя города Ряжскаго,
И отцовъ нашихъ державшихся вина фряж-
скаго.

Славнаго лирика Ломоносова,
Московскаго статистика Андросова
И Петра Андреича князя Вяземскаго Кур-
носова.

Оленина стереотипа
И Вигеля, Филипова сына, Филипа,
Бывшаго камергера Приклонскаго
Г. Шафонскаго,
Карманный грошъ кн. Гр. Волконскаго
И ужъ Александра Македонскаго,
Этого не обойдешь, не объѣдешь, надо
Помянуть... Покойника Винценгероде,
Саксонскаго министра Люцероде
Графиню Вицеканцлершу Нессельроде,
Покойнаго скрипача Роде
Хвостова въ анакреонтическомъ родѣ,
Ужъ какъ ты хочешь надо помянуть
Графа нашего пріятеля Велегорскаго
(Что не любить вина горскаго),
А по нашему Велеурскаго,
Покойнаго пресвитера Самбурскаго,
Дершау, полицмейстера С. - Петербург-
скаго,

Почтмейстера гор: Василисурскаго
Надо помянуть—парикмахера Эме
Ресторатора Dime
Ланекаго, что губернаторомъ въ Костромѣ,
Доктора Шулера умершаго въ чумѣ
И полковника Бартоломе
Повара али исторіографа Миллера,
Нѣмецкаго поэта Шиллера
И Пинети, славнаго ташеншилера.
Надобно помянуть (особенно тебѣ) Арндта
Да англичанина Warnta,
Извѣстнаго механика Молдуано
Москетти московскаго сопрано
И всѣхъ тѣхъ, которые напиваются рано
Натуралиста Кювье
И суковныхъ фабрикантовъ города Лувье
Французскаго языка учителя Жюля
Отставнаго англійскаго министра Пиля
И живописца-аматера Кюля.
Надо помянуть
Господь: Чулкова,
Носкова
Башмакова
Сапожкова
Да при нихъ и генерала Пяткина
И князя Ростовскаго-Касаткина.
Надобно помянуть
Жуковскаго Балладника.
И Марса питерскаго помадника.
«Довольно ли съ тебя, а у насъ уже на-

брано около тысячи. Это вольное подражаніе твоему Пѣвцу въ русскомъ станѣ. Надѣюсь что этотъ образецъ воспламенитъ твое вдохновеніе и ты не оставишь по части швейцарской составить значительное пополненіе. Теперь прости. Вотъ тебѣ Языкова. Всѣ мои тебѣ кланяются, и мы часто поминаемъ Василія Андреевича Жуковского и кума его Михаила Трифоновича Каченовскаго. Мердеръ далъ мнѣ копію съ портрета твоего стоячаго у окна. Ради Бога, напиши что здоровье твое. Христосъ воскресе, а пока верба хлестъ бей до слезъ».

Единственный комментарий, который могу сообщить о происхожденіи этихъ стиховъ—это то что авторство кн. Вяземскаго и Мятлева не можетъ заключаться въ подборѣ фамилій: въ этомъ принималъ участіе и я, да и не я одинъ. Забава продолжалась недѣли двѣ. Печатаемый документъ долженъ быть сопоставленъ съ документомъ, на основаніи коего напечатано стихотвореніе помѣщенное Анненковымъ между стихотвореніями Пушкина 1825 года и по догадкѣ его относимое къ стихотвореніямъ написаннымъ Пушкинымъ въ Болдинѣ, въ ту эпоху когда онъ написалъ нѣсколько народныхъ стихотвореній.

За эту эпоху 1833 — 1834 встрѣчается довольно много шуточныхъ стихотвореній въ бумагахъ кн. Вяземскаго, между ними и стихотворенія которыя Мятлевъ называлъ «*Poésies maternelles*». Этому шуточному направленію кн. Вяземскій и Пушкинъ съ особенно выдающимся рвеніемъ предавались въ 1833—1834 годахъ, какъ будто съ горя что имъ не удавалось устроить серьезный органъ для пропагандированія своихъ мыслей.

Въ припискѣ кн. Вяземскаго Пушкину къ письму Мятлева отъ 28-го мая 1834 года упоминаются еще разъ стихотворныя упражненія Мятлева:

«Пріѣзжай непременно. Право будетъ весело. Надобно быть тамъ въ четыре часа, то-есть сегодня. Къ тому же Мятлевъ

Любезный родственникъ, поэтъ и камергеръ,

А ты ему родня, поэтъ и камеръ-юнкеръ:

Мы выпьемъ у него шампанскаго на клункеръ

И будутъ намъ стихи на м...рный манеръ».

Друзья не щадили самолюбія Пушкина на счетъ его запоздалаго камеръ-юнкерства. Мнѣ помнится стихъ того времени, Соболевскаго:

Пушкинъ камеръ-юнкеръ

Раззолоченный какъ клункеръ.

Открытие названія золотой монеты: «кюнкеръ» также принадлежит Соболевскому, доказывавшему право на существованіе этой риёмы на камеръ-юнкеръ.

Не смотря на задѣтое честолюбіе, Пушкинъ былъ постоянно веселъ и принималъ живое участіе по крайней мѣрѣ въ интимномъ кружкѣ. Что касается крайней раздражительности Пушкина въ сношеніяхъ съ пріятелями, то я въ теченіи десяти лѣтъ видя его иногда почти каждый день былъ свидѣтелемъ одной только его неприличной выходки.

Въ 1833 или 1834 году послѣ обѣда у моего отца много ораторствовалъ старый пріятель Пушкина, генералъ Раевскій, сколько помнится Николай, человѣкъ вовсе отцу моему не близкій и рѣдкій гость въ Петербургѣ. Пушкинъ съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ возражалъ Раевскому; выведенный какъ будто изъ терпѣнія, чтобы положить конецъ разговору, Пушкинъ сказалъ Раевскому:

— «На что Вяземскій снисходительный человѣкъ, а и онъ говорить что ты невыносимо тяжелъ».

Отъ 2-го января 1834 года кн. Вяземскій пишетъ А. Я. Булгакову:

«Александръ Пушкинъ, поэтъ Пушкинъ—

теперь камеръ-юнкеръ Пушкинъ. Что скажетъ о томъ Полевой?»?

Вѣрный взглядъ на ощущенія Пушкина при пожалованіи его въ камеръ-юнкеры сообщаетъ Софья Николаевна Карамзина въ письмѣ своемъ къ Ив. Ив. Дмитріеву:

«Пушкинъ крѣпко боялся дурныхъ шутокъ надъ его неожиданнымъ камеръ-юнкерствомъ, но теперь успокоился, ѣздитъ по баламъ и наслаждается торжественною красотою жены, которая, не смотря на блестящіе успѣхи въ свѣтѣ, часто и преискренно страдаетъ мученіемъ ревности, потому что посредственная красота и посредственный умъ другихъ женщинъ не перестаютъ кружить поэтическую голову ея мужа» (Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. Изд. Грота и Пекарскаго. Спб. 1866, стр. 439).

Пушкинъ оскорблялся, какъ видно и изъ его записокъ и писемъ, тѣмъ что камеръ-юнкерство ставило его на одинъ рядъ съ юношами весьма разнообразнаго достоинства.

Въ 1834 году отецъ мой уѣхалъ за границу со всѣмъ семействомъ, и Пушкинъ въ томъ же году осенью переѣхалъ въ домъ Баташева, по Дворцовой набережной, у Прачешнаго моста, въ ту же квартиру, которую

занимали мы. Въ матеріалахъ Анненкова ошибочно названъ домъ Балашева отдѣльно отъ дома Баташева. Въ домѣ Балашева Пушкинъ никогда не жилъ, а жилъ съ осени 1834 по осень 1836 года въ домѣ Баташева. Въ это время я поступилъ въ петропавловскую школу, и за зиму 1834 и 1835 Пушкинъ ускользаетъ изъ моей памяти. Новый міръ, въ который я поступилъ, отчуждилъ меня отъ роднаго очага. Впослѣдствіи товарищи мои, Мыльниковъ и Лонгиновы рассказывали, что они въ эти года встрѣчали меня на Невскомъ проспектѣ то со школьниками St.-Petri-Schule, то съ А. С. Пушкинымъ, то съ модной красавицей Н. Н. Пушкиной и ея сестрами, и прославляли меня за то что я прогуливаясь съ элегантными дамами дружески раскланивался со встрѣчавшимися школьными товарищами, у которыхъ были связки книжекъ за спиной.

Прогулки мои съ Пушкинымъ и съ Пушкиною и ея сестрами относятся къ зимѣ 1835—1836 года, когда я еще посѣщаль петропавловское училище.

Въ перепискѣ моего отца за 1834—1835 годъ ничего о Пушкинѣ и о литературѣ не нахожу: въ то время отецъ мой былъ совер-

шенно озабоченъ болѣзнію сестры моей, княжны Прасковьи Петровны, скончавшейся въ Римѣ въ 1835 году.

Въ 1836 году по возвращеніи моемъ осенью съ морскихъ купаній на островѣ Нордерней, я какъ-то разъ ѣхалъ съ Каменнаго острова въ коляскѣ съ А. С. Пушкинымъ. На Троицкомъ мосту мы встрѣтились съ однимъ мнѣ незнакомымъ господиномъ, съ которымъ Пушкинъ дружески раскланялся. Я спросилъ имя господина.

— «Барковъ, ex-diplomat, habitué Воронцовыхъ» — отвѣчалъ Пушкинъ, и замѣтивъ что имя это мнѣ вовсе неизвѣстно, съ видимымъ удивленіемъ сказалъ мнѣ:

— «Вы не знаете стиховъ однофамильца Баркова, вы не знаете знаменитаго четверостишія... (обращеннаго къ Савоськѣ) и собираетесь вступить въ университетъ? Это курьозно. Барковъ—это одно изъ знаменитѣйшихъ лицъ въ русской литературѣ; стихотворенія его въ ближайшемъ будущемъ получатъ огромное значеніе. Въ прошломъ году я говорилъ Государю на балѣ что царствованіе его будетъ ознаменовано свободой печати, что я въ этомъ не сомнѣваюсь. Императоръ разсмѣялся и отвѣчалъ что онъ моего убѣжденія

не раздѣляетъ. Для меня сомнѣнія нѣтъ—продолжалъ Пушкинъ, но также нѣтъ сомнѣнія что первыя книги которыя выйдутъ въ Россіи безъ цензуры будутъ полное собраніе стихотвореній Баркова»...

Вообще въ это время Пушкинъ какъ будто систематически дѣйствовалъ на мое воображеніе, чтобы обратить мое вниманіе на прекрасный полъ и убѣдить меня въ важномъ значеніи для мужчины способности приковывать вниманіе женщинъ. Пушкинъ поучалъ меня что вся задача жизни заключается въ этомъ: все на землѣ творится чтобы обратить на себя вниманіе женщинъ; не довольствуясь поэтической мыслью онъ училъ меня что въ этомъ дѣлѣ не слѣдуетъ останавливаться на первомъ шагѣ, а идти впередъ, нагло, безъ оглядки, чтобы заставить женщинъ уважать васъ. Той мизантропической проповѣди которая выражена въ напечатанномъ наставленіи данномъ имъ брату Льву Сергѣевичу—мнѣ никогда не приходилось слышать. Онъ постоянно давалъ мнѣ наставленія объ обращеніи съ женщинами, приправляя свои нравоученія циническими цитатами изъ Шамфора. Было ли это слѣдъ прочтенія въ то время Шамфора или озлобленія противъ

женщинъ, но дѣло въ томъ что онъ возбуждалъ во мнѣ цѣлый рядъ размышленій о несправедливости и нелогичности людей въ отношеніи къ ихъ личности и къ постороннимъ. Въ то же время Пушкинъ сильно отговаривалъ меня отъ поступленія въ университетъ, и утверждалъ что я въ университетѣ ничему научиться не могу. Однажды соглашаясь съ его враждебнымъ взглядомъ на высшее у насъ преподаваніе наукъ, я сказалъ Пушкину что поступаю въ университетъ исключительно для изученія людей. Пушкинъ расхохотался и сказалъ:

— Въ университетѣ людей не изучишь, да едва-ли ихъ можно изучить въ теченіи всей жизни. Все что вы можете приобрѣсти въ университетѣ—это то что вы свыкнетесь жить съ людьми, и это много. Если вы такъ смотрите на вещи, то поступайте въ университетъ, но едва-ли вы въ томъ не раскаетесь.

Съ другой стороны Пушкинъ постоянно и настойчиво указывалъ мнѣ на недостаточное мое знакомство съ текстами Священнаго Писанія и убѣдительно настаивалъ на чтеніи книгъ Ветхаго и Новаго Заветъа.

Я позволяю себѣ откровенно передавать и

сомнительныя нравоученія Пушкина въ твердомъ убѣжденіи что проповѣдь его не была слѣдствіемъ легкомыслія или разврата мысли, но коренилась въ его уваженіи природы, жизни, и ненависти къ поддѣльной наукѣ и лицемерной нравственности. Я тѣмъ болѣе вѣрю въ чистоту стремленій Пушкина, что проповѣдь его пустила глубокіе корни въ моей юношеской головѣ, а Шамфора я и до сего дня не полюбопытствовалъ прочесть.

Для нашего поколѣнія, воспитывавшагося въ царствованіе Николая Павловича, выходки Пушкина уже казались дикими. Пушкинъ и его друзья воспитанные во время наполеоновскихъ войнъ, подъ вліяніемъ героическаго разгула представителей этой эпохи, щеголяли воинскимъ удалствомъ и какимъ-то презрѣніемъ къ требованіямъ гражданскаго строя. Нынѣшнее поколѣніе можетъ понять подобныя фізіологическія явленія развѣ только съ помощію романа графа Толстаго: «Война и миръ». Пушкинъ какъ будто дорожилъ послѣдними отголосками беззавѣтнаго удалства видя въ нихъ послѣднія проявленія заживо схороняемой самобытной жизни. Этотъ воинственный, удалой духъ Пушкина еще сильно звучитъ въ посланіи къ Денису Давыдову

при посылкѣ ему Исторіи пугачевского бунта; стихотвореніе помѣчено 18-мъ января 1836 года:

Тебѣ, Пѣвцу, тебѣ, Герою!—
Не удалось мнѣ за тобою
При громѣ пушечномъ въ огнѣ
Скакать на бѣшенномъ конѣ.
Наѣздникъ смирнаго Пегаса,
Носилъ я стараго Парнаса
Изъ моды вышедшій мундиръ:
Но и на этой службѣ трудной,
И тутъ, о, мой наѣздникъ чудный—
Ты мой отецъ и командиръ.
Вотъ мой Пугачъ: при первомъ взглядѣ
Онъ виденъ: плутъ, казакъ прямой;
Въ передовомъ твоёмъ отрядѣ
Урядникъ былъ бы онъ лихой.

Пушкинъ рассказывалъ что въ молодости онъ старался подражать Денису Давыдову въ крученіи стиха, и усвоилъ себѣ его манеру навсегда.

Изъ сочиненій Пушкина за это время неизгладимое впечатлѣніе произвела прочитанная имъ самимъ: «Капитанская дочка», и ненапечатанный монологъ обезумѣвшаго чиновника передъ Мѣднымъ Всадникомъ. Монологъ этотъ содержащій около тридцати стиховъ произвелъ при чтеніи потрясающее впечатлѣніе, и не вѣрится чтобы онъ не сохранился въ цѣлости.

Въ бумагахъ отца моего сохранились многія подлинныя стихотворенія Пушкина и копіи, но монолога не сохранилось, весьма можетъ быть потому, что въ монологѣ слишкомъ энергически звучала ненависть къ европейской цивилизаціи. Мнѣ все кажется что великолѣпный монологъ таится вслѣдствіе какихъ-либо тенденціозныхъ соображеній, ибо трудно допустить чтобы изъ всѣхъ людей слышавшихъ проклятыя нѣкто не попросилъ Пушкина дать списать эти тридцать-сорокъ стиховъ. Я думалъ объ этомъ, и не смѣлъ просить, вполнѣ сознавая что мое юношество не внушаетъ довѣрія. Я помню впечатлѣніе произведенное на одного изъ слушателей, Арк. О. Россети, и мнѣ какъ будто помнится онъ увѣрилъ меня что сниметъ копію для будущаго времени.

Въ печатаемыхъ отрывкахъ я обращалъ вниманіе на два предмета: личность поэта и его приготовленіе къ журнальной дѣятельности.

Помѣщаемъ здѣсь любопытное письмо о зачатіи «Современника».

Сердечная, умная и неизмѣнная пріятельница Пушкина, Жуковскаго и кн. Вяземскаго, А. О. Смирнова пишетъ изъ Берлина отъ 29-го февраля 1836 года:

«Я подписываюсь на «Современникъ» и прошу васъ высылать мнѣ его. Просите Пушкина начать постомъ или послѣ пасхи, чтобы не дѣлать какъ наши литераторы, изготовляющіе подарки добрымъ дѣтямъ на праздники. Надѣюсь на его вкусъ, онъ не будетъ держаться формата «Библиотеки для чтенія», имъ громко осуждаемый; внѣшній видъ Blackwood's Magazine очень приличенъ—совершенно европейскій. Вы видите я совершенно матерински забочусь объ этомъ дитяти хорошаго общества, потому и надѣюсь получить извѣстіе немедленно по его появленіи. Опасаюсь чтобы названіе «Современникъ» не щекотало цѣломудренныхъ ушей Греча, Булгарина и К^о, и они отомстятъ указывая на слишкомъ современную аллюру нашего изданія. Скажите Пушкину что я могу ему сообщить все что происходитъ въ литературномъ мірѣ Берлина, хотя я не вижу рецензентовъ и альманашиковъ. А вѣдь и здѣсь жалуются какъ и у насъ на застои въ изящной литературѣ; изрѣдка нѣсколько стихотвореній Шамиссо; въ настоящую минуту стихотворенія графа Платена изданныя въ Ганноверѣ—вотъ почти все сколько нибудь замѣчательное изъ литературныхъ явленій; за

то много классическихъ сочиненій, въ чемъ у насъ существенный недостатокъ».

Въ письмѣ отъ 4-го мая 1836 года встрѣчаемъ первое впечатлѣніе произведенное появленіемъ «Современника»:

«Благодарю за «Современникъ»: я его вкушаю съ чувствомъ и разстановкой, разомъ проглотивъ Чиновниковъ и Коляску Гоголя смѣясь какъ рѣдко смѣются, а я никогда; вѣдь это однако Плетневъ открылъ это маленькое сокровище; у него чутье очень вѣрное, онъ его распозналъ съ первой встрѣчи. «Арзерумъ» — вылитый Пушкинъ когда онъ расположенъ болтать и заинтересовать, такъ что всѣ эти исторіи мнѣ слишкомъ извѣстны, и потомъ зачѣмъ упоминать о тѣхъ французяхъ которые о немъ говорили, худо ли хорошо ли: у насъ объ этомъ никто бы и не зналъ, не стоило и защищаться, о немъ говорили люди темные. Скажите ему что ему надо путешествовать чтобы познать съ собой Европу: это единственное средство, да вдобавокъ едва ли стоитъ того. Я сейчасъ узнала Тургенева въ его парижскомъ дневникѣ: онъ нанизываетъ громкія имена и рекомендуетъ книги которыхъ самъ не читаетъ; еще пожалуй такъ себѣ ничего что онъ хо-

диль смотрѣть на *bœuf gras* и съ визитомъ къ г-жѣ Тьеръ урожденной *Dosne*, но бѣгать чтобы поглазѣть на *Nina Lassave*, на кривую, наглуую, грязную Нину—это изъ рукъ вонь; нравственное чувство гѣмцевъ оскорбляется этимъ и здѣсь не продаютъ ни одного портрета, а въ Парижѣ она собрала массу денегъ.—Гѣмъ не менѣе я собираюсь писать «à l'homme de toutes sciences et de tout savoir»: онъ добрый малый, и умный добрый малый».

Въ томъ же письмѣ остроумная корреспондентша оговаривается:

«...Я сожалью что нехорошо отозвалась о Пушкинѣ, въ сущности «Арзерумъ» очень интересень».

Помѣщаемъ здѣсь письмо кн. Вяземскаго изъ Петербурга, отъ 8-го апрѣля 1836 года, невольному соучастнику въ изданіи «Современника» А. И. Тургеневу сильно негодовавшему за напечатаніе писемъ компрометирующихъ его въ глазахъ парижскихъ друзей.

«У тебя нѣсколько моихъ писемъ, сколько именно—не упомяну, кажется два черезъ Берлинъ на имя Киселева, одно на имя римской красавицы, одно черезъ Лондонъ на имя Бенкгаузена, и все это съ книгами, съ нотами и

даже цѣлковиками тебѣ на водку. Ни на одно еще нѣтъ отвѣта. Последнее твое привезено Валладомъ. Пушкинъ просить тебя, Христа и публики ради, быть отцемъ-кормилицею его «Современника» и давать ему сосать твои новыя и млекоточивыя груди, которыя будутъ для него слаще птичьяго молока. Выставляй ихъ съ небрежностью и съ бл..... откровенностью какъ хочешь. Здѣсь будетъ наше дѣло сжимать ихъ въ корсетъ, завѣшивавать платочкомъ, а ты только тѣшишь молодцовъ и вываливай прелести свои какъ вываливаетъ ихъ Гр. Л...ль на народное позорище. Пушкинъ не пишетъ къ тебѣ теперь потому что умерла мать его, что все это время былъ онъ въ печальныхъ заботахъ, а сегодня отправился въ Псковскую деревню, гдѣ будетъ погребена его мать. Жаль что не успѣю отправить къ тебѣ первую книжку «Современника»: она выйдетъ въ субботу, а курьеръ ѣдетъ завтра, въ четвергъ. Твои титьки тутъ сидятъ нѣсколько сжатая ценсурнымъ корсетомъ, но все еще задора довольно. Разумѣется пуще всего нужно литературности и невинной уличной и салонной жизни. Политика, то-есть газетная политика—не годится, или умѣрен-

но, потому что дозволенъ только журналъ литературный, но историческую политику милости просимъ. Впрочемъ что тутъ толковать: давай что есть, а тамъ что къ чтенію пригодится, то прочтется, что къ напечатанію, то отпечатается. Поблагодари кн. Мещерскаго за гостинець. Что за книги о Россіи du Comte de Viel-Castel, Touvenel, Paul de Julvécourt, о коихъ онъ упоминаетъ. Не вѣрится мнѣ чтобы онѣ были хороши. Лучшіе умы сбиваются съ похвей говоря о Россіи. Послушайте что толкуютъ на французскихъ и англійскихъ трибунахъ. Уши вянутъ, а у говорунновъ растутъ. Нѣтъ ни одного положительнаго свѣдѣнія, а все на угадъ, все хотятъ судить по аналогіи. Пріятели еще хуже враговъ. Берутся говорить о томъ, о чемъ говорить не слѣдуетъ. Мало ли дѣлается такого, чего объяснять не должно, потому что не можно. 9-го, вчера вечеромъ, думалъ я поболтать съ тобою. Жена и Машенька поѣхали въ Аничковъ, а я остался дома одинъ, но не тутъ-то было: пріѣхалъ ко мнѣ мой варшавскій Нессельроде, тамъ съ бала въ первомъ часу явился Жуковскій, и мы за сигарами и за пріятными разговорами просидѣли до двухъ часовъ. А теперь

нужно скоро отослать письмо. Да впрочемъ и сказать-то много нечего. Василиій Кутузовъ женится на старшей Рибопьеръ, свадьба будетъ въ Берлинѣ. Кажется онъ тамъ и останется, вѣдь онъ въ отставку. Пушкинъ-Брюсъ умеръ. Ему отрѣзали ногу и онъ умеръ отъ истощенія. И Гритти опасно боленъ. Странная игра Провидѣнія. Дрались за золото, которое можеть быть никому изъ нихъ не достанется. Но по крайней мѣрѣ они дали доказательство что у насъ есть правосудіе не взирающее на лица. Этотъ процессъ очень замѣчателенъ въ семь отношеніи. Андрей Карамзинъ ѣдетъ весною въ чужіе края года на полтора или на два. Я очень этому радъ. Путешествіе теперь въ самую пору, какъ мѣра въ запасъ и предохранительная.

«Субботы Жуковскаго процвѣтають, но давно безъ писемъ твоихъ. Одинъ Гоголь, котораго Жуковскій называетъ Гоголекъ (никто не равняется съ Жуковскимъ въ перековерканіи именъ: помнишь ли когда онъ звалъ Дашкова Дашенькою) оживляетъ ихъ своими рассказами. Въ послѣднюю субботу читалъ онъ намъ повѣсть объ «Носѣ», который пропалъ съ лица неожиданно у какого-то

коллежскаго ассессора и очутился послѣ въ Казанскомъ соборѣ въ мундирѣ Министерства Просвѣщенія. Уморительно смѣшно. Много настоящаго humour. Коллежскій ассессоръ встрѣтятся съ носомъ своимъ говорить ему: «Удивляюсь, что нахожу васъ здѣсь: вамъ, кажется, должно бы знать свое мѣсто».

«И чтобы и мое письмо не пропало, а попало къ своему мѣсту, то есть тебѣ поды, а я не остался бы съ носомъ, кончаю и отправляю письмо въ Министерство Иностранное. Обнимаю тебя. Нашимъ дамамъ мое сердечное колѣнопреклоненіе».

Та же умная, милая и искренняя пріятельница Жуковскаго, Пушкина, кн. Вяземскаго и Гоголя, очи которой кн. Вяземскій въ 1828 году привѣтствовалъ стихотвореніемъ:

Южныя звѣзды! Черныя очи!
Неба чужаго огни—

интересовавшаяся въ Берлинѣ въ 1836 году появленіемъ «Современника», пишетъ изъ Парижа въ 1837 году по поводу кончины Пушкина:

«Вы меня забываете, хотя вы должны были бы сообщить мнѣ еще нѣсколько подробностей о горестномъ событіи; правда, для

друзей Пушкина и для друзей Россіи все уже высказано. Въ сегодняшней «Revue de Paris» есть статья «Légendes des Poètes». Въ ней припоминаются всѣ великіе гении: всѣ они несчастные, преслѣдуемые или обществомъ или правительствомъ, непризнанные, оклеветанные, умирающіе въ тюрьмахъ или въ нищетѣ; въ статьѣ не упоминается Пушкинъ, а однако ничего нѣтъ болѣе раздирающе-поэтически какъ его жизнь и его смерть. Я также была здѣсь оскорблена, и глубоко оскорблена какъ и вы несправедливостію общества. А потому я о немъ не говорю, я молчу съ тѣми которые меня не понимаютъ; воспоминаніе о немъ сохраняется во мнѣ недостижимымъ и чистымъ. Много вещей имѣла бы я вамъ сообщить о Пушкинѣ, о людяхъ и дѣлахъ, но на словахъ, потому что я побаиваюсь письменныхъ сообщеній».

А. О. Смирнова занимала такое значительное мѣсто въ поэтическомъ кружкѣ Пушкина и въ другихъ блестящихъ петербургскихъ сферахъ, что мы считаемъ почти за грѣхъ не подѣлиться съ читателями прелестнымъ посланіемъ къ ней кн. Вяземскаго много годовъ послѣ погрома разсѣявшаго поэтическую общину. Письмо сохранилось въ бумагахъ

Жуковского, и вѣроятно писано къ Карамзинымъ:

1 января 1845 года.

«... Но пока живешь все таки надобно заниматься пустяками. Вотъ въ чемъ дѣло. Смирнушка ужасно кашляетъ, и я на дняхъ писалъ ей:

Что дѣлаетъ вашъ скучный кашель?
Его я на душѣ ношу,
И какъ у сердца ни спрошу:
О чемъ грустишь ты? Не о Сашѣ-ль?
Оно въ отвѣтъ мнѣ: точно такъ!
И зарыдаешь какъ дуракъ.

«Эти стихи ее ужасно растрогали, и она просила продолженія. Но я отказался за неспособность и обѣщалъ ей просить Омера Андреевича докончить начатое мною. Обнимаю васъ».

А. И. Тургеневъ сопровождавшій тѣло Пушкина пишетъ Жуковскому:

«Псковъ, 5 й часъ утра, 7 февраля, воскресенье.

«Мы предали землѣ земное вчера на разсвѣтѣ. Я провелъ около сутокъ въ Тригорскомъ, у вдовы Осиповой, гдѣ искренно оплакиваютъ поэта и человекъ въ Пушкинѣ. Милая дочь хозяйки показала мнѣ домикъ и

садъ поэта; я говорилъ съ его дворнею. Прасковья Александровна Осипова дала мнѣ записку о дѣлахъ его, о деревнѣ, и я передамъ тебѣ и на словахъ все что отъ неслышалъ о его имѣніи. Она все хорошо знаетъ, ибо покойникъ любилъ ее и довѣрялъ ей всѣ свои экономическія тайны. Подождите меня. Я уже отслушалъ здѣсь въ соборѣ заутреню, въ Благовѣщенскомъ новомъ соборѣ, отслушаю тамъ и объѣдную съ архіерейскимъ служеніемъ, осмотрю древности и развалины, кои, какъ весьма немногія въ Россіи, могутъ сказать о себѣ, благодаря Псковской осадѣ: fuimus!.. Отобѣдаю у губернатора и ввечеру пушусь въ Петербургъ (ошибкою чуть не сказалъ во свояси). Въ понедѣльникъ буду пить чай въ семействѣ историка Псковской осады. Обнимаю Велегурскаго и Вяземскаго, и проч. Везу вамъ сырой земли, сухихъ вѣтвей—и только; нѣтъ—и нѣсколько неизвѣстныхъ вамъ стиховъ Пушкина».

О кончинѣ Пушкина намъ остается повторить слова А. О. Смирновой въ письмѣ 1836 года:

...«Для друзей Пушкина и для друзей Россіи все уже высказано».

Мы можемъ сообщить личное и общее впечатлѣніе что дуэль не была вызвана какими либо обстоятельствами, которыя можно было бы опредѣлить или оправдать. Грязное анонимное письмо не могло дать повода; плохіе каламбуры свояка еще менѣе. Не ревность мучила Пушкина, а до глубины души пораженное самолюбіе. Пушкинъ зналъ что сплетни о немъ расходятся по Россіи, и онъ палъ для Россіи. Вотъ его слова сказанныя имъ кн. П. А. Вяземскому и переданныя послѣднимъ въ письмѣ къ Великому Князю Михайлу Павловичу, и именно въ той части письма которая въ «Русскомъ Архивѣ» не напечатана.

...«На увѣщеваніе друзей Пушкинъ сказалъ: Я принадлежу странѣ, и хочу чтобы имя мое было чисто вездѣ гдѣ оно извѣстно... *qu'il appartenait au pays et qu'il voulait que son nom fut intact partout où il était connu*».

Напечатанное въ «Русскомъ Архивѣ» письмо князя П. А. Вяземскаго къ А. Я. Булгакову и другое письмо приложенное въ копіи сообщаютъ все что извѣстно о причинахъ поединка, о самомъ поединкѣ, о мѣстѣ поединка, и о ранѣ прекратившей жизнь поэта.

Кн. П. А. Вяземскій и всѣ друзья

Пушкина не понимали и не могли себѣ объяснить поведенія Пушкина въ этомъ дѣлѣ. Если между молодымъ Геккереномъ и женою Пушкина не прерывались въ гостинныхъ дружескія отношенія, то это было въ силу общечеловѣческаго, неизмѣннаго приличія, и сношенія эти не могли возбудить не только ревности, но даже и неудовольствія со стороны Пушкина. Самъ Пушкинъ говоритъ что съ полученія безыменнаго письма онъ не имѣлъ ни минуты спокойствія. Оно такъ и должно было быть.

Въ зиму 1836—1837 года мнѣ какъ-то разъ случилось пройти нѣсколько шаговъ по Невскому проспекту съ Н. Н. Пушкиной, сестрой ея Е. Н. Гончаровой и молодымъ Геккереномъ; въ эту самую минуту Пушкинъ промчался мимо насъ какъ вихрь, не оглядываясь. и мгновенно исчезъ въ толпѣ гуляющихъ. Выраженіе лица его было страшно. Для меня это былъ первый признакъ разразившейся драмы. Отношенія Пушкина къ женѣ были постоянно дружескія, довѣрчивыя до конца его жизни. Въ реляціяхъ отца моего къ друзьямъ видно что это невозмутимое споройствіе по отношенію къ женѣ и вселяло въ нее ту безпечность и беззаботность, съ

которой она относилась къ молодому Геккерену послѣ его женитьбы.

25-го ноября Пушкинъ и молодой Геккеренъ съ женами провели у насъ вечеръ. И Геккеренъ и обѣ сестры были спокойны, веселы, принимая участіе въ общемъ разговорѣ. Въ этотъ самый день уже было отправлено Пушкинымъ барону Геккерену оскорбительное письмо. Смотря на жену онъ сказалъ въ тотъ вечеръ:

— «Меня забавляетъ то что этотъ господинъ забавляетъ мою жену не зная что его ожидаетъ дома. Впрочемъ съ этимъ молодымъ человѣкомъ мои счеты сведены».

Несмотря на приготовленія къ поступленію въ университетъ и увѣщанія отца уходить спать, я проводилъ ночи прислушиваясь къ неумолкаемымъ толкамъ и сообщеніямъ возбужденнымъ кончиной Пушкина; и несмотря на страстное желаніе уяснить себѣ причины и поводы къ дуэли—я рѣшительно ничего понять не могъ.

Много говорили что въ дуэли Онѣгина и Ленскаго Пушкинъ пророчески описалъ свою собственную кончину. Пушкинъ художнически обрисовалъ это дѣло какъ онъ понималъ его, сообразуясь съ своею собственною на-

турой. Для него минутное ощущение, пока оно не удовлетворено, становилось жизненною потребностью. Даже въ вымыслѣ Пушкинъ нашель излишнимъ обставить дѣло логически: Ленскій не могъ слышать нѣжностей нашептанныхъ Онѣгинымъ его невѣстѣ, и вызвалъ друга безъ объясненій съ невѣстой. Здѣсь высказывается скептическій взглядъ Пушкина на женскую искренность. Чистосердечно сообщаемый женой разговоръ не заслуживалъ довѣрія въ его глазахъ и могъ только раздражить его самолюбіе. Въ послѣдніе два мѣсяца жизни Пушкинъ много говорилъ о своемъ дѣлѣ съ Геккереномъ, а отзывы его друзей и ихъ молчаніе—все должно было повертывать въ немъ душу и убѣждать въ необходимости кровавой развязки.

Отецъ мой въ письмахъ своихъ употребляетъ неточное выраженіе говоря что Геккеренъ аффишировалъ страсть: Геккеренъ постоянно балагурилъ, и изъ этой роли не выходилъ до послѣдняго вечера въ жизни проведеннаго съ Н. Н. Пушкиной. Единственное объясненіе раздраженія Пушкина слѣдуетъ видѣть не въ волокитствѣ молодаго Геккерена, а въ уговариваніи старикомъ бросить мужа. Этотъ шагъ старика и былъ тѣмъ убій-

ственнымъ оскорбленіемъ для самолюбія Пушкина, которое должно было быть смыто кровью. Дружескія отношенія жены поэта къ свояку и къ сестрѣ вѣроятно питали раздраженную мнительность Пушкина.

Условія жизни не давали ему возможности и простора жить героемъ, за то, по свидѣтельству всѣхъ близкихъ Пушкина, онъ умеръ геройски, и своею смертию вселилъ въ друзей своихъ благоговѣніе къ его памяти.

Какъ трудно было друзьямъ Пушкина распознать тайныя пружины этого дѣла видно изъ письма кн. Вяземскаго къ А. Я. Булгакову отъ 10-го февраля 1837. Дѣло не разъясняется и письмомъ отъ 8-го апрѣля того же года, помѣщаемымъ нами въ концѣ статьи:

... «Адскія сѣти, адскія козни были устроенны противъ Пушкина и жены его».

Впечатлѣнія этого нельзя не раздѣлять видя происходившую драму; улики до сихъ поръ неизвѣстны, и даже нельзя опредѣлить перваго основанія для изобличенія «адскихъ козней».

Старикъ Геккеренъ былъ человѣкъ хитрый, расчетливый еще болѣе чѣмъ развратный; молодой же Геккеренъ былъ человѣкъ практической, дюжинный, добрый малый, балагуръ,

вовсе не ловелась, ни Донъ-Жуанъ, и пріѣхавшій въ Россію сдѣлать карьеру. Волокитство его не нарушало никакихъ великоевѣтскихъ петербургскихъ приличій. Изъ писемъ Пушкина къ женѣ напечатанныхъ въ «Вѣстникъ Европы» можно даже заключить что Пушкину претило волокитство слишкомъ ничтожнаго человѣка.

Дантесъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1833 году и обратилъ на себя презрительное вниманіе Пушкина.

Принятый въ кавалергардскій полкъ, онъ до появленія приказа разъѣзжалъ на вечера въ черномъ фракѣ и сѣрыхъ рейтузахъ съ красной выпушкой, не желая на короткое время замѣнять изношенные черные штаны новыми.

Въ запискахъ Пушкина напечатанныхъ въ «Русской Мысли» упоминается одновременно съ Дантесомъ маркизь Пина; послѣдній въ гвардіи не служилъ, а поступилъ офицеромъ въ армейскій пѣхотный полкъ, сколько помнится въ гренадерскій полкъ короля Прускаго, и сколько помнится тотъ полкъ, въ который поступилъ Пина былъ въ это время расположенъ въ Нарвѣ. Пина недолго оставался въ полку: онъ обвиненъ былъ въ кра-

жѣ серебряныхъ ложекъ и долженъ былъ выйти въ отставку.

Послѣ смерти Пушкина я находился при гробѣ его почти постоянно, до выноса тѣла въ церковь въ зданіи конюшеннаго вѣдомства.

Выносъ тѣла былъ совершонъ ночью въ присутствіи родныхъ Н. Н. Пушкиной, графа Г. А. Строганова и его жены, Жуковскаго, Тургенева, графа Вьельгорскаго, Аркадія О. Россети, офицера генеральнаго штаба Скалона и семействъ Карамзиной и кн. Вяземскаго.

Не запомню, присутствовала ли дѣвица Загряжская и секундантъ Пушкина, Данзасъ, лица мнѣ тогда незнакомыя. Въ этого списка пробрался по льду въ квартиру Пушкина отставной офицеръ путей сообщенія Веревкинъ, имѣвшій, по объясненію А. О. Россети, какія-то отношенія къ покойному. Никто изъ постороннихъ не допускался. На просьбы А. Н. Муравьева и старой пріятельницы покойника графини Бобринской, жены графа Павла Бобринскаго, переданныя мною графу Строганову, мнѣ поручено было сообщить имъ, что никакихъ исключеній не допускается. Начальникъ штаба корпуса жандармовъ Дубельтъ въ сопровожденіи около двадцати

штабъ и оберъ-офицеровъ присутствовалъ при выносѣ. По сосѣднимъ дворамъ были разставлены пикеты: все выражало предвидѣнье что въ мирной средѣ друзей покойнаго можетъ произойти смута.

Слабая сторона предупредительныхъ мѣръ заключается въ томъ, что въ случаѣ полного успѣха онѣ не оправдываются событіями. Развернутыя вооруженныя силы вовсе не соотвѣтствовали малочисленнымъ и крайне смирнымъ друзьямъ Пушкина собравшимся на выносъ тѣла. Но дѣло въ томъ, что назначенный день и мѣсто выноса были измѣнены; списокъ лицъ допущенныхъ къ присутствованію въ печальной процессіи былъ крайне ограниченъ, и самыя энергическія и вполне осязательныя мѣры были приняты для недопущенія лицъ неприглашенныхъ.

Затѣмъ остается загадочнымъ: имѣлись ли положительныя свѣдѣнія о задуманныхъ уличныхъ демонстраціяхъ противъ члена дипломатическаго корпуса? Съ нашей стороны, вполне понимая что сановные друзья Пушкина были поражены и оскорблены полицейскою демонстраціей, мы не можемъ поручиться и по соображенію тогдашнихъ обстоятельствъ, что болѣе равнодушное отношеніе

полиціи къ числу лицъ могущихъ явиться на выносъ тѣла не повлекло бы за собою дикой персидской демонстраціи. Впослѣдствіи мы не рѣдко встрѣчали людей скорбѣвшихъ и тосковавшихъ что не дали, для чести русскаго имени, разыгратъ ненависти къ каменнымъ иноземцамъ.

Въ университетѣ *) положительно не обнаруживалось тогда ни малѣйшаго волненія, и если бы графъ Уваровъ не далъ наканунѣ знать что онъ посѣтитъ аудиторіи въ самый день похоронъ, то едва ли пошло бы много студентовъ на Конюшенную площадь... Графъ Уваровъ нашелъ въ университетѣ однихъ казенныхъ студентовъ. Вообще же впечатлѣніе кончины Пушкина на студентовъ было незначительное. Однако тогда сдѣлана была попытка для распущенія слуха о произведенной студентами оскорбительной демонстраціи въ квартирѣ вдовы. Поводъ къ этой выдумкѣ былъ слѣдующій: Графъ П. П. Ш., весьма почтенный человѣкъ со студенческой

*) И. И. Панаевъ и И. С. Тургеневъ говорятъ въ своихъ воспоминаніяхъ о впечатлѣніи, произведенномъ на студентовъ смертью Пушкина; вѣроятно они имѣли въ виду близкихъ товарищей, а не массу студентовъ.

скамьи, пріѣхавъ поклониться праху покойнаго поэта, спросилъ меня не можетъ ли онъ видѣть портрета Пушкина писаннаго знаменитымъ Кипренскимъ. Я отворилъ дверь въ сосѣднюю комнату и спросилъ почтенную даму вошедшую въ сосѣднюю гостиную: можно ли показать такому-то портретъ Пушкина. Пожилая дама выпорхнула въ другую дверь и съ ужасомъ объявила что шайка студентовъ ворвалась въ квартиру для оскорбленія вдовы. Матушка моя находившаяся у вдовы вышла посмотрѣть въ чемъ дѣло, и ввела насъ обоихъ въ гостиную.

Несмотря на разъясненіе дѣла, престарѣлая дама ожидавшая бунта въ тотъ же вечеръ отправилась къ матери студента для предупрежденія относительно нахождения ея сына въ шайкѣ произведшей утромъ демонстрацію...

Этотъ эпизодъ былъ рассказанъ въ 1838 году въ студенческой средѣ, какъ дополненіе и подтвержденіе воспоминаніямъ о кончинѣ Пушкина, передававшихся мною товарищамъ.

Извѣщенный передъ смертію что Государь беретъ на себя заботы о семействѣ, Пушкинъ умеръ и долженъ былъ умереть въ спокой-

номъ состояніи духа. Великодушный, рыцарскій и крайне заботливый характеръ Императора Николая Павловича былъ для поэта вѣрной порукой что существованіе его семейства обезпечено. Болѣе долготѣнная жизнь и въ глазахъ самого Пушкина несомнѣнно не представляла той же гарантіи.

Литературная и журнальная дѣятельность Пушкина оплачивалась читающей публикой далеко не въ томъ размѣрѣ который могъ бы обезпечить существованіе его семейства. Чувство зависимости отъ правительственныхъ субсидій при его характерѣ не могло не возбуждать въ немъ предвидѣнія что и этотъ источникъ можетъ изсякнуть. Безотрадный итогъ былъ несомнѣнно ясно выведенъ въ его свѣтлой головѣ. Безвыходность его положенія въ 1836` году, именно съ осуществленія его мысли о журнальномъ предпріятіи, должна была вызвать то тяжкое, тревожное состояніе духа, которое дало свободный просторъ жаждѣ мести возбужденной анонимными письмами, и внѣ ихъ сплетнями пріятельницъ, заботившихся о чести и семейномъ счастьи поэта.

Сообщаю съ полной откровенностью мои воспоминанія и впечатлѣнія, можетъ быть

иногда и ошибочныя, въ твердомъ убѣжденіи что откровенность не можетъ вредить Пушкину и что приторныя и притворныя похвалы и умалчиванія недостойны памяти великаго человѣка. Заслуга Пушкина, передъ Россією такъ велика, что никакія темныя стороны его жизни не могутъ омрачить его великаго и добраго имени. Пушкинъ самъ указалъ за что мы должны ему ставить памятникъ:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ по-
лезенъ

И милость къ падшимъ призывалъ...

Государственная, народная заслуга Пушкина несомнѣнна. «Прелестью живой стиховъ» онъ даровалъ живой русской рѣчи права гражданскія не только во всемірномъ образованномъ обществѣ, но что еще важнѣе—онъ заставилъ офранцузившіеся и онѣмечившіеся культурные слои русскаго общества уважать и любить живую русскую рѣчь, живые русскіе типы, обычаи и самую нашу природу. Борьба противъ иноплеменнаго ига вызвала противъ почестей оказываемыхъ его праху и памяти взрывъ негодованія между тѣми русскими людьми, которые съ невозмутимымъ, ве-

личавымъ спокойствіемъ отвергали достоинство русскаго слова, возможность русскаго искусства и даже право на русскую самобытность.

Чувство это и тогдашняя обстановка самаго вопроса о правѣ нашемъ на самобытность проглядываютъ въ письмѣ кн. Вяземскаго къ А. Я. Булгакову отъ 8-го апрѣля 1837 года:

«Геккеренъ, т.-е. министръ, отправился отсюда не получивъ прощальной аудіенціи, но получивъ табакерку, что значить на дипломатическомъ языкѣ: вотъ образъ, вотъ и дверь! т.-е. не возвращайся. По крайней мѣрѣ такъ толкуютъ это дипломаты, ибо подарки дѣлаются обыкновенно когда министръ Дворомъ своимъ рѣшительно отозванъ, а Геккеренъ объявилъ что ѣдетъ только въ отпускъ. Спасибо Русскому Царю, который не принялъ человѣка, какъ бы то ни было но посягнувшаго на русскую славу. Подъ конецъ одна гр. Н. осталась при немъ, но все-таки не могла вынести его, хотя и плечиста и грудиста и брюшиста».

Женщина упоминаемая въ письмѣ, одаренная характеромъ независимымъ, непреклонная въ своихъ убѣжденіяхъ, вѣрный и горячій другъ своихъ друзей, руководимая

личными убѣжденіями и порывами сердца, самовластно предсѣдательствовала въ высшемъ слоѣ петербургскаго общества, и была послѣдней, гордой, могущественной представительницей того интернаціональнаго ареопага, который свои засѣданія имѣлъ въ Сенжерменскомъ предмѣстьи Парижа, въ салонѣ княгини Меттернихъ въ Вѣнѣ и салонѣ графини Нессельроде въ домѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Петербургѣ. Ненависть Пушкина къ этой послѣдней представительницѣ космополитнаго олигархическаго ареопага едва ли не превышала ненависть его къ Булгарину. Пушкинъ не пропускалъ случая клеймить эпиграмматическими выходками и анекдотами свою надменную антагонистку, едва умѣвшую говорить по-русски. Женщина эта паче всего не могла простить Пушкину его эпиграммы на отца ея, графа Гурьева, бывшаго Министромъ Финансовъ въ царствованіе Императора Александра I.
